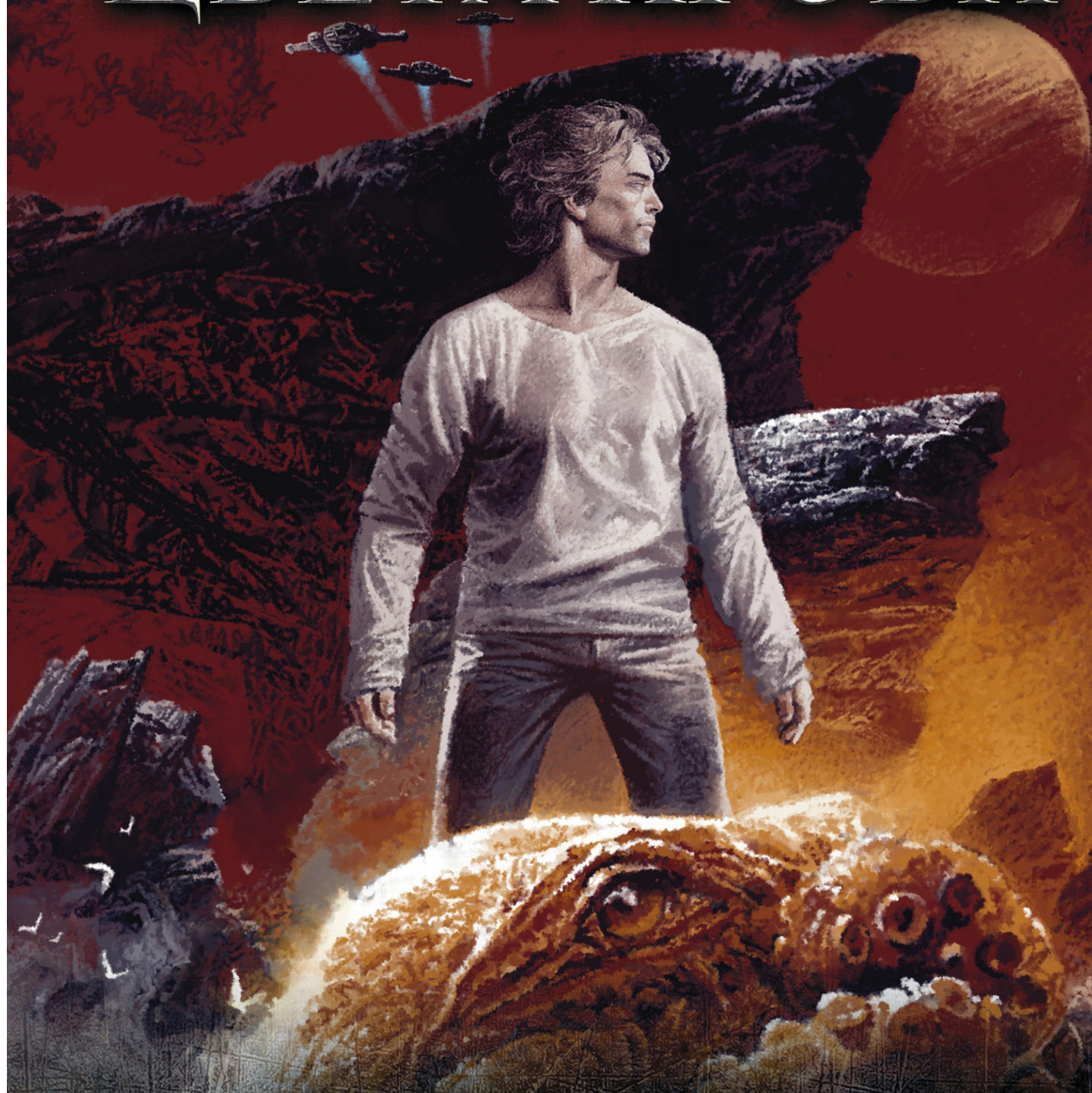

ВИКТОР ТОЧИНОВ

НЕБО ЦВЕТА КРОВИ

FANTASY WORLD

Fantasy-world

Виктор Точинов

Небо цвета крови

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Точинов В. П.

Небо цвета крови / В. П. Точинов — «АСТ», 2018 — (Fantasy-world)

ISBN 978-5-17-110773-4

Четвертый век Эры Переселения. В системе Эридана, заселенной колонистами-землянами и весьма богатой планетами земного типа, бушует жестокая гражданская война. Православная империя, копирующая уклад империи Романовых, адаптированный к новым условиям, столкнулась в схватке не на жизнь, а на смерть с Эриданским Союзом, пытающимся вновь построить общество, основанное на марксистских принципах. Неожиданно в жестокую междоусобицу эриданцев вмешивается третья сила... Сумеют ли идейные антагонисты объединиться и дать отпор врагу? Сберегут ли главное сокровище, вывезенное с Земли?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110773-4

© Точинов В. П., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	5
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	33
Глава пятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виктор Точинов
Небо цвета крови

Пролог

Орбитальный ДОТ «Заря свободы», 42 год э.п.к.

Экраны внешнего обзора гаснут – разом, все одновременно – и несколько томительных секунд неясно: прекратил ли существование третий уровень защиты, или же всё значительно хуже.

«Один... два... три...» – мысленно произносит Леонед¹, подсознательно растягивая отсчет, удлиняя паузы между звучащими в голове цифрами.

Незамысловатый прием не помогает: «ше-е-е-есть, се-е-е-е-емь...» – всё, дальше считать смысла нет. Только что пирозаряды отшвырнули в космос обломки: искореженные орудийные, ракетные и излучающие установки, и немногие уцелевшие системы внешнего наблюдения и управления огнем, и разбитые прямыми попаданиями эмиттеры защитных полей, и устройства, обеспечивавшие энергией и боеприпасами оборонительные узлы уничтоженного третьего уровня.

Потому что орбитальный ДОТ «Заря свободы» отдаленно напоминает плод эрладийской песчаной пальмы: ядро – небольшой астероид, выведенный на планетарную орбиту, над ним – точь-в-точь как оболочки упомянутого плода – надстроены шесть искусственных оболочек, шесть защитных уровней.

Сейчас, вместо сокрушенного третьего, в бой должен был вступить четвертый. Но почему-то не вступает...

Экраны остаются темными, динамики молчат. Либо датчики четвертого уровня, сканирующие окружающее пространство во всех диапазонах, мгновенно вышли из строя, либо их сигналы не доходят до сердца ДОТа, до командного пункта.

Все системы, управляющие оборонительным и наступательным оружием, рапортуют: то, чем им надлежит управлять, отсутствует. Вообще. Напрочь. На всех четырех оставшихся уровнях отсутствует. Словно прилетела четырехкрылая птица батхан, известная любительница пальмовых плодов, – огромная такая птица, разросшаяся до гигантских размеров и как-то научившаяся порхать в космосе. Прилетела, щелкнула клювом, – и разом раскусила все оболочки, небрежно отбросила в сторону, и вот-вот полакомится нежным сочным ядром...

Командный пункт ДОТа. Небольшой оперативный зал, укрытый в самой сердцевине астероида. Стена, идущая полукругом – один огромный сплошной экран, состоящий из массы экранов поменьше. Вдоль нее – тоже полукругом, снизу, – столы, дисплеи, напряженные спины людей. Вернее, четырех людей и одного трезианина. Эти пятеро – весь гарнизон, остальное делает автоматика. Стук клавиш. Негромкие разговоры.

- Энергетический – норма.
- Жилой блок – норма.
- Шлюз-три – связи нет.
- Проклятье!
- Шлюз-два – связи нет.
- Проклятье!
- УЭСы – норма.

¹ Расшифровка имен жителей Эриданского Союза приведена в кратком словаре имен и топонимов.

– Шлю-ю-юс-с оти-и-ин – с-с-сфяс-си нет, – трезианин шипит, растягивая гласные и оглушая звонкие согласные.

– Р-р-р-р-р... – Это уже человек, не нашедший слов для выражения эмоций.

– АРБ – готовность минус десять.

– Зет-туннель – связи нет.

Глухой удар – кулак с размаху опускается на мягкий пластик стола.

Киберы из аварийно-ремонтной бригады через считанные секунды будут готовы ринуться устранять неисправности. Но что ждет их там, за шлюзами, ведущими на внешние оборонительные уровни?

«Устрица...» – Леонеду вновь приходит в голову биологическая аналогия. ДОТ «Заря свободы» похож сейчас на устрицу, не имеющую ни глаз, ни ушей. Моллюск ощущает – что-то не так, что-то изменилось в окружающем мире. Но что? Лежит ли он на прибрежном песке, на линии прибоя – и следующая же волна вернет в родную стихию? Или – банкетный стол и фарфоровая тарелка? Надо приоткрыть створки, но... Но это может очень плохо закончиться: может быть, уже приготовлен острый крючок, – зацепить, выдрать из раковины нежное тело моллюска...

Леонед не только не пробовал – он никогда не видел устриц, лишь читал о них в старых книгах. И у него мелькает абсолютно несвоевременная мысль: «Или крючками извлекали мясо лангустов? (Их Леонед тоже никогда не видел.) А скорлупу устриц раздавливали специальными...»

Мысль остается незаконченной. Оглушительный вопль перекрывает тихое гудение аппаратуры и негромкие фразы.

– ЭКРАНЫ!!! – истошно кричит человек.

Леонед рывком распахивает глаза – и перестает видеть мелькание цифр на видеоматрицах, имплантированных на внутреннюю сторону век.

Экраны включились – все до единого. И на каждом одно и то же изображение: лицо человека крупным планом. Холеное породистое лицо. Немолодой – на лбу залегли три горизонтальные морщинки, виски густо серебрят седина, остальная шевелюра серо-стального оттенка.

Леонед пытается понять: как, каким образом сделано это подключение? – и не понимает. Молчание. Нехорошее, неприятное.

Дрожащий голос:

– ЦПК – не отвечает...

Всё. Конец. Устрица, чуя неладное, плотно сжимала створки – не помогло, их раскрыли острым лезвием ножа... «Вирус...» – понимает Леонед. Он слышал о такой возможности, слышал на уровне слухов, легенды. Враждебная программа существует в виде пакета информации, передаваемой нетрадиционными способами, – колебаниями температуры или гравитационного поля, например. Датчик атакуемого объекта, собирающий внешнюю информацию, сам преобразует вирус в цифровой вид, сам отправляет в обрабатывающий компьютер.

– Ну что, вояки? – спрашивает человек, заполонивший экраны; голос его звучит из динамиков громкой связи. – Пришли в себя? Способны выслушать мои предложения?

Бозадр, командир ДОТа, громко выкрикивает, что он способен сделать с человеком, едва лишь до него доберется. Умирать типу с седыми висками придется долго и мучительно, к тому же весьма постыдным для мужчины образом, но он ничуть не смущается, – похоже, просто не слышит, связь установлена в одностороннем режиме.

– Флаг-капитан князь Игнатьев-Центаврийский, командир крейсера второго ранга «Святой великомученик Сысой».

Голова на экранах изображает легкий, едва заметный поклон.

– Из бывших, сука... – говорит Бозадр, весьма понизив голос, словно князь способен их услышать. – Здоровенные здесь поместья у Центаврийских были, и рудники...

– С-стес-с-с-сь – на ас-с-с-стерои-и-ите? – шипит трезианин, как всегда понимающий все буквально. В интонации вопроса должно бы звучать удивление, но изображать эмоции звуками эта раса не умеет – и на голове трезианина встают торчком короткие мясистые отростки, в обычных обстоятельствах плотно прижатые к черепу.

– На планете! – командир машет рукой куда-то вниз.

Флаг-капитан вновь начинает говорить – официальным тоном, словно зачитывая заранее подготовленный текст:

– Во избежание ненужных жертв и бессмысленного кровопролития предлагаю капитулировать. Время на размышление – тридцать три с половиной ваших минуты, затем начнется штурм. Каждому, кто поднимется за названное время по зет-туннелю и выйдет наружу невооруженным, гарантируется жизнь. Остальные выходы заблокированы. Время пошло.

Князь делает паузу и добавляет с другой интонацией:

– Хотя я предпочел бы вас раздавить, как загнанных в угол крыс.

И становится видно, что вся холодная корректность «бывшего» – всего лишь маска, скрывающая самую лютую, животную ненависть.

«Что за странный срок – тридцать три с половиной минуты?» – недоумевает Леонед. Потом соображает: флаг-капитан, как и прочие императорские прихвостни, живет по имперскому времени, у них минута метрическая, чуть длиннее, из ста секунд... Если перевести, то наверняка получится нормальная круглая цифра...

Взгляды всех пятерых поневоле тянутся к таймеру. Секунды мельтешат, затем цифра в третьем справа окошечке меняется на другую.

Тридцать две минуты... Тридцать две минуты между жизнью и смертью...

* * *

Пятеро по-прежнему сидят полукругом. Но теперь, развернув вращающиеся кресла, – не спиной, а лицом друг к другу.

Экраны вновь темны, динамики безгласны. Отключили их сами, обесточив, – когда изображение князя Игнатьева-Центаврийского сменилось пропагандистским фильмом. Торжествующий диктор вещал о победоносном наступлении имперских войск, и его слова сопровождались видеорядом: разбитые корабли и станции орбитальной обороны (все, конечно же, с эмблемами Эриданского Союза), и десантные боты, волна за волной опускающиеся на Марэлен (уже на девятый день войны! разве этого ждали? разве к этому готовились?), и бесконечные колонны пленных, уныло бредущие к имперским транспортникам – истощенные, форма грязная, рваная, в глазах – бесконечная тоска, непонимание: как, как, как такое могло произойти?

Задумываться, где в пропагандистской поделке правда, а где хвастливая ложь и компьютерная графика, не хотелось. Потому что, задумавшись, можно понять: правды много. Иначе не оказался бы ДОТ «Заря свободы» в такой ситуации – здесь отнюдь не граница, не передовая линия обороны. Бета Эридана – глубокий тыл... был совсем недавно.

Леонед и не задумывался, а вскоре исчез объект для раздумий: Бозадр вырубил экраны и динамики.

Молчание. Тяжелое, мрачное.

Все пятеро знают: настоящей драки здесь, внутри каменного ядра астероида, не будет. Да и возможностей для нее нет, все серьезное оборонительное вооружение – наверху, и уже под чужим контролем... Партизанить с личным стрелковым оружием? Так ведь выследят в лабиринте технических туннелей, причем используют их собственную аппаратуру слежения... И прикончат. Раздавят, как загнанных в угол крыс.

Можно, конечно, забиться подальше, сжигая на пути камеры наблюдения и датчики. Можно провести несколько вылазок, уничтожить десяток-другой боевых киберов, при большой удаче – даже пару людей... Но финал схватки предreshен однозначно.

«Почему же они молчат? – не понимает Леонед. – Почему никто не наберется смелости, не скажет первым: сопротивление бессмысленно, сдаться при таких условиях не позорно?»

Озвучить свои мысли он не решается. словно бы вернулось детство, собрание ячейки в школе: надо принять решение – добровольное решение, никакое иное – провести лето в трудовом лагере, пропалывая грядки с осточертевшим релакусом... Никто не хочет на постылую каторгу, всем милее податься в деревню, к бабушке-дедушке, или на курорт с родителями (если у тех подошла очередь на путевку), или без затей остаться в городе, но хотя бы самому решать, куда пойти и чем заняться... Никто не хочет, но все молчат – как такое скажешь вслух первым? – а вожатая уже звонким голосом зачитывает решение собрания, и лес рук тянется вверх...

Но сейчас речь идет не о прополке грядок. Об их жизни. И о смерти.

И смельчак находится.

– Что молчите?! – вскидывается Энгвар. – Что тут думать?! Прогадили войну, всё прогадили... Какие песни пели! Малой кровью, да под чужим небом... Ага... Что сидите? Время же идет...

– Иди, – глухо говорит Бозадр. – ДОТа нет, осталась каменная глыба. Командовать мне нечем. Каждый решает сам.

– А вы... – неуверенно начинает Энгвар.

– Иди! – рявкает Бозадр. Командовать ему нечем, но тон вполне командирский.

Энгвар направляется к выходу. Магнитные подошвы лязгают всё медленнее, всё неувереннее. Возле самого люка оборачивается.

– Кто-нибудь еще? – сухо спрашивает Бозадр. Энгвар смотрит с надеждой.

Леонед очень хочет встать, и тоже шагнуть к люку, – но не может. Ноги словно парализованы... Взгляды оставшихся сидеть как будто гипнотизируют, выпивают волю, силы... «Они психи... Они спятили и не понимают, что смерть – навсегда!!» Леонед сидит. И молчит.

Энгвар, безнадежно махнув рукой, отворачивается, возится с кодовым замком.

Отпереть не успевает. Извилистая синяя молния соединяет его затылок с небольшим цилиндрическим предметом, сжатым в руке командира. Негромкий треск, резкий запах озона. Тело Энгвара изгибается, изгибается назад – словно он в этот неподходящий момент решил заняться гимнастикой и изобразить для начала «мостик».

Теперь видно его лицо – искаженное, изломанное. Наэлектризованные волосы торчат во все стороны. Появляется кровь – из носа, изо рта, из ушей – сначала капли, затем струи. Ни крика, ни стоны, остальные тоже безмолвны – и сквозь треск разряда отлично слышен сырой чмокающий звук, с которым глазные яблоки выскакивают из глазниц.

Леонед торопливо отворачивается, содержимое его желудка отчаянно рвется наружу. Треск смолкает. Обмякшее тело рушится и буквально расплзается по металлическому полу, лишь ноги согнуты в коленях – магнитные подошвы продолжают работать.

– Ну вот... – буднично говорит Бозадр. – А мы будем драться.

* * *

Выстрелы – отдаленные, еле слышные – смолкают, и Леонед решает: все кончено.

Ошибается – после паузы вновь стрельба, гораздо ближе. Он облизывает пересохшие губы. Еще одна отсрочка... Кто сейчас умирает, чтобы Леонед мог пожить несколько лишних минут? Какая разница... Потому что смерть дышит в затылок, и никуда от нее не уйти...

Вот она, рядом, – не архаичная старуха с косой, но огромный цилиндр главного энерго-блока. Внешний защитный кожух поднят, словно для профилактических работ, и работа пред-стоит несложная, – одно движение пальца, лежащего на пусковой кнопке бластера, испарит стержни-замедлители, начнется цепная реакция, и...

И всё.

В бездонной черноте космоса вспыхнет и вскоре погаснет маленькая яркая звездочка... Вселенная и не заметит: планеты так же тупо будут вращаться вокруг светил по своим орбитам, и будут копошиться на них миллиарды живых существ...

Лишь его, Леонеда, не станет. Разве только не врут чернорясные мракобесы в своих бай-ках о загробной жизни... Так ведь врут, наверняка врут.

Но почему, почему, почему?!

Лучше бы он дрался сейчас там, в каменном лабиринте. Когда стреляешь, и стреляют в тебя, задумываться некогда. А когда прилетит *твой* разряд – уже и нечем...

Но он – здесь. Судьба. Жребий.

...Бозадру полагалось личное холодное оружие – комкофлот второго ранга, как-никак, что соответствует званию комбата в армии. Архаизм, конечно, для парадов и прочих торже-ственных церемоний, – но когда командир рванул из ножен клинок, отточенная сталь блеснула неприятно – тусклым таким холодным отблеском, и казалось отчего-то, что оружию хочется, давно хочется попробовать горячей человеческой крови.

И оно попробовало.

У Леонеда что-то дернулось внутри: неужели Бозадру сумел прочесть, уловить его пани-ческие мысли, и сейчас... Но нет, командир встал, широко расставив ноги, над трупом Энгвара, вертикально поднял кортик. Другой рукой обхватил клинок у самой гарды – плотно, сильно, кровь тотчас же засочилась из разрезанной ладони, закапала на мертвое лицо с пустыми глаз-ницами.

Бозадру кивнул остальным: давайте, мол. И произнес:

– Кто-то должен взорвать энергоблок.

Леонед схватился за лезвие вторым, и показалось, что ему жребий никак не выпадет, не такое уж длинный кортик... Но ухватиться второй ладонью за кончик клинка выпало именно ему.

Трезиянин схитрил, хоть и в рамках правил, – не хотел сидеть у реактора, пока другие сражаются и умирают. Он протянул к клинку нижнюю, дополнительную лапу, и она – узенькая, покрытая шевелящимися ворсинками – заняла совсем немного места.

Леонед выиграл немного жизни, сколько именно, он и сам не знал. Сколько сумеют пода-рить погибающие товарищи, столько и выиграл. А он им оплатит огненным погребением. И врагам оплатит тем же, за все и за всех.

Кровь смешивалась, и капала на труп изменника, и командир сказал спокойно и дело-вито:

– Пошли за оружием.

– Потер-е-е-м-с-с-с-ся... – прошипел трезиянин. – С-с-с-евотня мой те-е-нь...

Он, судя по положению отростков, был весьма доволен. Неудивительно – наступил самый важный день, ради которого трезиянин и оказался здесь. День смерти.

А больше никто не сказал ничего.

«Неужели они не понимают... Неужели не понимают...» – билось в голове у Леонеда, но и он промолчал.

* * *

Тишина. Выстрелы смолкли достаточно давно, и обманывать себя нет смысла: теперь-то уж точно всё закончено, наступает его черед.

Выбора нет – тридцать три с половиной минуты давно истекли... Флаг-капитан хотел раздавить загнанных в угол крыс? Крыса осталась одна, и ее очень скоро раздавят... Программа боевых киберов не реагирует на поднятые вверх руки, и на белую тряпку не реагирует...

Появляются звуки. Леонед напряженно вслушивается – ну точно, доносятся они из аварийного туннеля, ведущего в энергоотсек. Лифт заблокирован, но кто-то очень хочет добраться сюда...

Во рту сухо-сухо, рашпиль языка трется о шершавое небо... Гудение, запах нагретого металла, – выжигают люк.

Пора... Самое время нажать на пусковую кнопку, но Леонед медлит. Как же они прекрасны, последние секунды... И как быстротечны... Кажется, в такие моменты перед внутренним взором должна промелькнуть вся прожитая жизнь? Не мелькает... В голове крутится лишь одно навязчивое воспоминание: бесконечная, к горизонту тянущаяся грядка релакуса, и обжигающее полуденное солнце, и горячий соленый пот, заливающий глаза... Казалось – каторга, и ничего не может быть хуже... Идиот... Все бы отдал, чтобы вернуться в тот знойный летний полдень...

Вырезанный люк с грохотом рушится. Громкие шаги – совсем рядом, в соседнем отсеке.

Леонед закрывает глаза и жмет на пусковую кнопку...

Потом медленно, удивленно поднимает веки. В ушах стоит эхо дикого крика. Это он кричал? Или померещилось?

Бластер стоит на предохранителе. Леонед не понимает ничего... Вроде ведь снимал...

Мокрый от пота палец скользит по рубчатой кнопке и никак не может перевести ее в другое положение.

Створки двери – последней преграды между жизнью и смертью – медленно расползаются. Леонед не раздумывая, повинувшись внезапному импульсу, швыряет бластер в приоткрывшуюся щель. Кричит:

– Не стреляйте! Я сдаюсь!

Ему кажется, что кричит – голос тихий и сиплый. Разницы, впрочем, никакой – боевые киберы на такие крики не обращают внимания.

Огромная фигура надвигается из темного провала двери. Не кибер, человек в громоздком защитном костюме. Правая рука не видна – от локтевого сгиба начинается УОК – универсальный огневой комплекс. И этот УОК неторопливо поднимается, целится в Леонеда. Спаренный бластер, гаусс-эмиттер, скорострельная ЭМ-пушка – смотрят в лицо, готовые плюнуть огнем и смертью.

Холодный пот заливает глаза. Леонед пытается крикнуть что-то еще, ничего не получается, тогда он падает на колени.

УОК медленно опускается.

Часть первая

Мы никогда не сдадимся

Глава первая

Расколотое небо

1

Дороги здесь были прямые, как натянутая нить, – Гальская степь ровная, гладкая, нет топких низин и прочих буераков, которые приходилось бы огибать строителям. Лишь кое-где тянулись по бесконечной равнине поросшие лесом долины рек, медленно текущих и обладавших удивительно прозрачной водой. Алое небо – такая уж атмосфера над Умзалой – отражалось в потоках, и казалось, что вода тоже подкрашена розовым, словно пролилась в нее чья-то кровь...

Серая пыльная лента шоссе пересекала степь, уходя к горизонту.

И, тоже до самого горизонта, двигалась по ней нескончаемая колонна боевой техники. Грохотали гусеницы танков, сберегавших для боя ресурс своих антигравов; вздымали пыль струи воздуха, вырывавшиеся из-под юбок транспортеров на воздушной подушке; боевые киберы шустро переставляли суставчатые конечности.

Источник, питавший реку грозного боевого металла, виднелся за много километров – сооружение, напоминавшее огромную букву «А», словно бы поставленную и позабытую в умзальской степи каким-то малограмотным, азбуку изучающим великаном. Официально сооружение именовалось ГПКП «Центральный», но местные жители именовали его попросту: Космопорт.

Подпространственный космопорт... Главные ворота, связывающие Умзалу, четвертую планету Беты Эридана, с остальными мирами Эриданского Союза. Главные, а с недавних пор – фактически единственные. Враг рядом, враг на орбите, – и со стартовых площадок обоих пространственных космодромов взлетают лишь боевые корабли, и многие из них не возвращаются обратно...

Не так давно катили к Космопорту бесконечные колонны нагруженных рудовозов, и лишь изредка мелькали среди них пассажирские глайдеры, – малонаселенная планета поставляла руды редких металлов для всего Эриданского Союза.

Но теперь к Космопорту стремились не рудовозы – люди. Беженцы. Женщины, дети, старики – ни одного взрослого мужчины. Шли двумя потоками, вдоль обочин, чтобы не мешать движущейся навстречу боевой технике. Шли пешком – весь транспорт, в том числе пассажирский, мобилизован для военных нужд. Везли на тележках то немного, что успели и смогли взять.

Разговаривали между собой негромко, словно бы с опаской, как будто смерть, притаившаяся где-то наверху, в алом небе, – могла услышать и обрушиться вниз.

– ...В сводке вчерашней: Реону, после тяжелых и кровопролитных. А у меня же там...

– ...На четыре часа отпустили, а утром на космодром, да и в бой, совсем ведь мальчишки...

– ...Остановлен на орбите, ну-ну... А танков тогда столько зачем? Танки в космос не летают...

– ...С рудника пришел, аж сам почерневший весь: своими руками, говорит, строил, а теперь вот взрывать придется...

– ...На столбе, распухший, язык чуть не до пупа, и табличка: паникер...

– ...Свинорух второй день не кормлен, сдохнет ведь...

– Стыдно, товарищ! Враг на пороге, а вы только о своей животине печалитесь!

Пожалевший животину товарищ – лысый, сгорбленный старичок – с неприязнью посмотрел на попрекнувшую его девушку. Высокая, статная, темноволосая, она шагала рядом с двумя подругами – быстро, обгоняя других беженцев. Шла их троица налегке, без набитых рюкзаков, без нагруженных тележек, лишь легкие сумки были перекинута на ремнях через плечо.

– Так я ж и говорю, забить надо было свиноруха, чтобы, значит, врагам задарма не достался... – пробурчал старичок и отвернулся, демонстрируя, что к дальнейшей беседе не расположен.

Девушки, обогнав его, пошагали дальше.

– Скажи, Юленька, а ты куда после? – спросила подруга у темноволосой. – Что-то мне так тревожно... В школе мечтала о других планетах, но чтобы вот так... Чтобы бежать... Я понимаю, что так надо, но...

– Это не бегство, Донара! – убежденно ответила Юлена. – Эвакуация! Бегут, когда боятся. А я не боюсь этих убийц! Не боюсь, слышите? Нашим будет проще сражаться, если внизу останутся города и поселки без людей. Уходя, мы им помогаем. А после... В военкомат пойду. Нужны же ведь девушки на войне, мне все равно, хоть радисткой, хоть санитаркой...

– Санитаркой можно и здесь... – сказала Донара без особой уверенности.

Третья подруга, Хая, молчала, напряженно к чему-то прислушиваясь, – она, как и все эрладийцы, обладала очень изощренным слухом.

– Слышите, девчонки? – спросила Хая несколько секунд спустя.

– Нет, а что... – начала было Донара и не закончила.

Потому что сейчас слышали все – не только девушки, но вся масса шагавших вдоль обочин беженцев – далекий не то гул, не то рев, с каждой секундой усиливающийся, приближающийся.

Разговоры смолкли мгновенно, и столь же мгновенно люди остановились, замерли в тревожном ожидании. Замерла и катившаяся им навстречу боевая техника.

– Летят... – сказал кто-то негромко, но его слышали все, кто находился неподалеку.

– Товарищи, без паники! Продолжаем движение! – прозвучал другой, начальственный голос. – Это наши возвращаются после...

Что дальше говорил человек с уверенным голосом, не расслышал уже никто, – доносившийся с небес звук заглушил слова.

Но истошный, дикий вопль прорвался сквозь рев и грохот:

– Бежи-и-и-им!!!

Многие побежали – во все стороны, не понимая куда, не понимая, зачем. Юлена осталась было на месте, но тут же увидела надвигающуюся на нее громаду танка и высунувшегося из люка танкиста. Он отчаянно махал рукой: с дороги, прочь с дороги!

Техника сползала с шоссе, рассредоточивалась. Ее вновь заработавшие двигатели и загрохотавшие гусеницы никто теперь не слышал, не говоря уж про крики испуганных, бегущих людей.

Юлена тоже бежала куда-то – одна, потеряв в кутерьме обеих подруг. Едва увернулась, едва выскочила из-под колес самоходной зенитной установки – боевая башня ее вращалась, и стволы лазеров были задраны к небу...

А потом Юлене показалось, что кто-то из мечущихся в панике людей толкнул ее в спину, толкнул невероятно сильно, так что земля ушла из-под ног, и девушка почувствовала миг невесомого полета, увидела быстро приближающуюся пыльную обочину... И не стало ничего.

...Сколько времени она провела без сознания, Юлена не поняла. Очевидно, недолго. Бой вокруг продолжался. Точнее, не бой, а жестокое избиение с воздуха. Появились вокруг воронки, чернея выброшенной наружу землей. Зенитная установка – та самая, а может и другая, – горела чадным дымным пламенем. Горели другие машины, но некоторые продолжали вести огонь. Земля содрогалась, и содрогались лежавшие на ней люди. Мертвые люди... Казалось, что мертвецы всё еще стараются спастись, убежать от обрушившейся с неба смерти.

Одна женщина – пожилая, очень грузная, в разорванном и испачканном землей платье – и в самом деле старалась отползти, спрятаться, но лишь бессильно шевелилась в расползающейся кровавой луже...

Юлена попыталась встать, не уверенная, что получится. Оперлась руками о землю, под левую ладонь подвернулось что-то непонятное, она опустила взгляд – детская кукла. Кто-то в кутерьме наступил на нее, расплющив нижнюю часть и повредив электронную начинку – кукла быстро-быстро моргала, губы ее шевелились, а на сиреневых волосах виднелись следы свежей крови.

Отчего-то именно вид изувеченной игрушки показался Юлене самым страшным из всего, что происходило вокруг.

Потом она поднялась и побежала – по содрogaющейся земле, среди огня и дыма, побежала медленно, пошатываясь, но все быстрее и быстрее...

Потом в событиях случился непонятный провал, Юлена совсем не помнила, как она очутилась поодаль от дороги, среди зарослей невысокого степного остролиста... Но как-то очутилась и неожиданно увидела Донару, хотела сказать ей: «Как хорошо, что ты нашлась! А где Хая?» – но не услышала даже сама себя. Донара тянула ее за рукав, и показывала рукой куда-то, и что-то кричала, – но совершенно беззвучно.

Юлена обернулась и увидела, как медленно, невероятно медленно рушится громада Космопорта. Это казалось невозможным, Космопорт был всегда, сколько себя помнила Юлена, и должен был стоять вечно, сработанный на века, на тысячелетия – символ эпохи, символ победы человеческого разума над бескрайностью Космоса.

По лицу Донары катились слезы, прокладывая дорожки по запачканным щекам, и Юлена поняла, что подруга ощущает нечто схожее...

Эпоха закончилась.

Начинается другая – страшная и жестокая.

2

– Красота какая, Юлечка... – сказала Донара. – Слово и нет никакой войны проклятой...

Место и в самом деле было удивительно красивым, и ничто не напоминало здесь о пекле, из которого вырвались девушки, отшагав степью чуть ли не десяток километров.

Неторопливо катила прозрачные воды река, и рос на ее берегах лес – настоящий, не те заросли низкорослого кустарника, что попадают порой в степи, и не курга, заполонившая каменистые склоны предгорий. Вековые эвелеи с толстыми, узловатыми стволами клонили к реке свои багровые кроны, и нижние ветви полоскались в воде.

Ветер к вечеру стих, тишина стояла полная, нарушаемая лишь стрекотом насекомых и редкими всплесками рыбы.

Война осталась где-то далеко позади...

Юлена, девушка весьма практичного склада, любоваться природными красотами не стала. Сказала деловито:

– Помоемся, да и одежду постираем. А то смотреть на нас страшно, грязней шахтеров из забоя...

Она решительно стянула платье через голову. Донара медлила, любуясь юным гибким телом подруги.

– Ну что же ты, Донька? Вечереет, просушить же не успеем...

Донара медленно расстегнула одну пуговку, другую... Ей было немного стыдно, казалось, что ее бедра покажутся на фоне стройной Юлены слишком полными, грудь слишком большой, тяжелой, а пухлый животик... В общем, не стоит о грустном...

Но Юля не разглядывала наготу подруги, бросилась в воду, подняв фонтан брызг. Донара последовала за ней...

Потом они сидели у небольшого костерка, сложенного из сухих стеблей карагульника, одежда сохла рядом, на плоских прибрежных камнях, сильно нагретых солнцем.

– Как там наша Хая, выбралась ли... – задумчиво сказала Донара, помешивая угли костра веткой с обгорелым концом. – Да и мы все теперь – как?

– Что – как? – вскинулась Юлена. – Думаешь, Космопорт разрушили – и всё закончено? Нет, подруга... Мы никогда не сдадимся! Мы им не позволим высадиться!

– А если они уже? Помнишь, в конце, когда мы далеко ушли, – большие такие пузатые штуки спускались? Я точно не знаю, но, по-моему, это десант- боты были... У меня двоюродный брат, Велиор, на таком служит. Вернее, служил...

– Высадились – мы в леса уйдем, в горы! – отрезала Юля. – Партизанить будем, как в гражданскую!

– Разве в таком лесу партизанить можно? – повела рукой вокруг Донара. – На второй день поймают... Да и гор-то у нас нету... Это сколько ж на юг топать, пока до джунглей доберешься, где спрятаться можно...

– Значит, в штольни уйдем, под землю! Мы не прятаться будем, а воевать!

– А кушать что под землей? – вздохнула Донара. – Ой, Юльчик, а как есть-то хочется... Сказала – и только сейчас поняла: с утра ведь ни крошки во рту не было... А до дома завтра целый день идти. Не дошагаем...

– Надо подкрепиться... Ты рыбу ловить умеешь?

– Не пробовала... Да и чем?

– Булавку согнем, к нитке привяжем, и... Нет, я еще лучше придумала! Ракатиц наловим, здесь должны водиться! Знаешь, какие вкусные?

– А варить как? Ни котелка, ни кастрюли...

– Запечем в золе! За дело, подруга!

Но ловлей пришлось заняться одной лишь Юлене. Подружка ее плавала не очень хорошо, а нырять с открытыми глазами вообще не умела, – и, натянув просохшее платье, сидела на берегу, следила, чтобы не расползлись наловленные ракатицы. Моллюски забились в свои раковины, лишь изредка высовывали щупальца и осторожно исследовали ими берег, – явно не понимали, что же такое с ними произошло. И не подозревали, что скоро состоится последний в их жизни ужин...

Юлена, устав нырять, вышла на берег, передохнуть и погреться. Критически осмотрела кучку ракатиц, решила:

– Еще штук пять, да и хватит. Тогда и позавтракать можно будет, а то вода с утра холоднющая...

– А я вот один рассказ фантастический читала... – начала Донара.

– Ты? Фантастику?! – изумилась Юля.

– Ну... я знаю, что классово чуждая... Но... пачка у нас на чердаке лежала, журналы старые, с тех времен еще... Ну и посмотрела одним глазком. Я все потом в печку, ты не думай!

– Это правильно. Но и смотреть не стоило, по-моему.

– Так вот, там рассказ был... Будто бы ракатицы – они, значит, разумные. Щупальца-то у них вон какие ловкие, не хуже пальцев... А норы их – не просто норы, а будто бы входы в

города такие подземные. Вернее, в подводные... ну... ты понимаешь. И вот жили они, жили, города свои строили... А потом люди прилетели. И начали их есть. И никак им не объяснить нам, что они почти как мы, только другие...

– Бред какой... Вражьи выдумки. Чтобы люди не за новую жизнь боролись, а над ракетами съеденными слезы лили. Тьфу...

– Да мне просто так вспомнилось... Ерунда, конечно.

Донара замолчала, искоса поглядывала на подругу. Капли воды стекали по обнаженному телу Юли, поблескивая в лучах заходящего солнца, словно самоцветные камни. И Донара подумала... ерунда какая в голову полезла... в общем, она вдруг поняла, что страстно хочет попробовать на вкус вот эту сверкающую капельку, маленьким бриллиантом повисшую на соске подруги... Она даже помотала головой, отгоняя наваждение.

Решила спросить Юлену о ближайших планах, о том, смогут ли они отыскать путь домой через лишенную ориентиров степь, или же рискнут вернуться к дороге... Но вместо этого неожиданно для себя спросила о другом:

– Скажи, Юлечка, а у тебя... ну... с парнями... уже *было*?

Юлена повернулась резко, взметнув волну темных волос. Капелька-бриллиант сорвалась с груди и полетела к траве.

– Да ты что, подруга?! Как можно, когда... Тихо!

Донара почти не понимала ее слов, залюбовавшись на красоту подруги... И не сразу отреагировала на ее изменившийся тон и встревоженное лицо. Затем и она услышала: с запада, оттуда, где заходящее солнце окрасило небо уже не в алый – в темно-багровый цвет, доносилось негромкое ровное гудение, все более усиливающееся.

Что-то приближалось к девушкам, пока не видимое за кронами деревьев...

Но наверняка опасное.

3

Бронеглайдеры плыли над степью, развернувшись широким веером, и каждый двигался не прямо, зигзагообразно, в первый момент их движение казалось хаотичным, но подчинялось строго заданному ритму.

Боковые башенки вращались, стволы лазерных установок словно бы приглядывались ко всем укромным уголкам, словно бы присматривались-принюхивались, готовые в любой момент ударить беспощадным лучом...

– Наши? Высадившихся ищут? Диверсантов? – тихонько спросила Донара со слабой-слабой надеждой.

– Не наши... Те... – сказала Юля столь же тихо. – Видишь, эмблема белая? Голова пса? У наших нет таких.

– Ой... Неужели все – за нами?!

– Ну уж... Много ведь товарищей на дороге уцелело, во все стороны разбежались. Прочесывают... Ищут...

– Не заметят, может?

– К чему им замечать... У них же детекторы всякие, датчики. Не спрячешься.

– И что... И как же мы...

– Рекой уходить надо. Под водой, изредка выныривая.

– Юльчик, я не сумею...

– Сумеешь! Я помогу... Раздевайся, в одежде плыть тяжело, в сумки ее запрячем...

Испуганная Донара хотела возразить, но не успела. Ближайший бронеглайдер круто повернул и, ускоряясь, понесся прямо к девушкам. Детекторы засекли беглянок...

– К реке, Донька! – крикнула Юлена, вскочила и бросилась к берегу. Ее одежда и сумка так и остались у костра.

Прежде чем прыгнуть в воду, обернулась: Донара сзади не бежала, ее платье мелькнуло с другой стороны, среди густых прибрежных кустов.

Юля помедлила недолго, пару секунд. Кусты спрятаться не помогут, единственное спасение – река, и выбор прост: или очень скоро схватят одну лишь Донару, или их обеих...

Она бросилась в воду, сразу нырнула, как можно глубже, к усеянному корягами дну. Ленты багровых водорослей лениво шевелились, извивались под напором неторопливого течения, и напуганные ракатицы спешили к своим не то норкам, не то к входам в таинственные города, Юлена не обращала на них внимания, энергично работала руками и ногами, старалась уплыть как можно дальше, не выныривая, от опасного места... Воздуха не хватало, легкие горели, как в огне, перед глазами поплыли огненные круги, однако она продолжала упрямо держаться у дна... Наконец поняла: всё, больше не выдержать, но не рванула к поверхности стремглав, как того требовало измученное недостатком кислорода тело, – вынырнула осторожно, аккуратно, без всплеска... Глубоко вдохнула один раз, другой, и...

И услышала истошный девичий крик.

Крик Донары...

Глава вторая

Адъютант его превосходительства

1

Вахтенный офицер и швартовый расчет хорошо знали свое дело: космобот коснулся шлюза джамп-базы «Святая равноапостольная княгиня Ольга» мягко, плавно, без нередкого в подобных случаях резкого толчка последней коррекции.

«Ну что же, – подумал Несвицкий, – все-таки флагман флота, и отбирают сюда, без сомнения, лучших из лучших...»

Шлюзовая камера медленно наполнялась воздухом, наконец наполнилась, – в центре мембранного люка появилось крохотное отверстие, быстро росло, расширялось, и вскоре уже можно стало проникнуть на базу, но Несвицкий не хотел попасть туда, согнувшись в три погибели, – дождался, когда люк полностью втянется в стены, и лишь тогда шагнул внутрь.

– Сми-и-и-рна! – раздалась громкая команда.

Встречали его по первому разряду: двумя рядами вдоль переборок выстроились двенадцать рослых гвардионцев из личного конвоя флаг-адмирала: лица под низко надвинутыми касками застыли неподвижно, УОКи опущены к полу. Два офицера: один в мундире гвардейского поручика, с адъютантскими аксельбантами, второй – в темно-синей флотской форме, с погонами капитана второго ранга. Протокол соблюден изящно и тонко: с одной стороны, вроде бы кавторанг почти ровня по званию Несвицкому, всего на ступень ниже; но, учитывая место службы последнего, – не совсем и ровня... И в то же время чин достаточно высокий, чтобы дать понять гостю: его и представляемую им контору здесь весьма уважают, и кого попало встречать не пошлют...

– Добро пожаловать на борт «Святой Ольги», господин полковник! – капитан второго ранга поднес ладонь к козырьку, поручик скопировал его жест. Гвардионцы сделали «на караул», вскинув УОКи.

– Вольно! – махнул им рукой Несвицкий. Неформальным жестом протянул руку кавторангу:

– Несвицкий, Михаил Александрович.

– Барон фон Корф, Николай Оттович, – отрекомендовался флотский, ответив крепким рукопожатием.

Поручик приличиям был учен, и к руке не потянулся, лишь щелкнул каблуками и склонил голову в коротком полупоклоне:

– Гвардии поручик Гельметов, к вашим услугам, господин полковник.

– Как прошло путешествие, Михаил Александрович? – поинтересовался капитан второго ранга.

– Все в порядке, долетел благополучно, – коротко ответил Несвицкий.

Не рассказывать же, в самом деле, что бот едва не стал жертвой самоубийственной атаки истребителя мятежников, прорвавшегося сквозь боевой порядок истребителей прикрытия, и пришлось провести несколько не самых приятных минут жизни при перегрузке в девять «же». Повезло, что пилотировал бот трезианин – человек мог бы и не справиться, а эти существа, с их невероятной скоростью реакции и способностью выносить перегрузки, словно созданы для войны в космосе, боги боевого пилотажа...

Но наверняка на джамп-базе уже осведомлены о подробностях инцидента, и жаловаться не к лицу.

– Тогда извините, я понимаю: устали с дороги, но командующий просил немедленно по прибытии пожаловать на военный совет, – произнес капитан второго ранга.

Несвицкий кивнул. На совет так на совет. Для того, собственно, и прибыл на борт джамп-базы он, полковник Несвицкий, адъютант светлейшего князя Горчакова, генерал-фельдмаршала и наместника Его Императорского Величества на Бете Эридана.

Шагая длинным коридором, полковник удивился необычной легкости своих движений – постоянно приходилось сдерживаться, чтобы не передвигаться неприлично большими скачками. Система искусственной гравитации была явно настроена не на параметры, определяемые уставом. Половина «же», а то и меньше... Между тем спутники шагали так, словно ослабленная гравитация была для них привычной.

Интересно, в чем причина?

2

– Господа офицеры!

Присутствующие встали, кое у кого звякнули при этом шпоры, – у числившихся на службе в гвардейской кавалерии; какие уж лошади в век подпространственных звездолетов, однако – традиция, закреплённая в Уставе.

Вошел флаг-адмирал Истомин. Полковник не был знаком с ним лично и изумился: неужели это тот самый молодцеватый пожилой мужчина с роскошными бакенбардами, изображаемый на официальных стереопортретах?

Бакенбарды, впрочем, наличествовали, – точь-в-точь как на портретах. Но выглядел флаг-адмирал старой развалиной... Неуверенным жестом поприветствовал присутствующих, прошаркал к креслу, тяжело в него опустился.

«Вот почему здесь такая низкая гравитация, – догадался Несвицкий. – Чтобы ординарцам не приходилось вести под белы ручки его превосходительство господина командующего флотом. Однако... На джамп-базе почти три тысячи экипажа, и всем грозит мышечная атрофия, – из-за того лишь, что Государь не решается отправить на заслуженный отдых эту живую легенду гражданской войны...»

Вел совет контр-адмирал Мезенцев – энергичный мужчина лет на двадцать моложе своего непосредственного начальника. Полковник заподозрил, что и в бою командует он, отдавая приказы от лица командующего. Но оно и к лучшему, если вдуматься.

– Господа! – начал контр-адмирал. – Мы собрались здесь, чтобы принять ряд непростых решений. Все вы, очевидно, информированы, что битва за космическое пространство в этом секторе Эридана закончилась. Закончилась нашей самой безоговорочной и решительной победой.

Несвицкий украдкой поморщился, вспомнив недавнее свое путешествие: перегрузки, притиснувшие его к креслу в пассажирском отсеке космобота, – мечущегося, уворачивающегося от лазерных лучей и гаусс-разрядов. И свое чувство обреченного бессилия вспомнил полковник: жить тебе или умереть, – зависит вовсе не от тебя, от мужества и умения других, да и просто от прихоти фортуны...

Мезенцев, словно подслушав мысли полковника, продолжал:

– Здесь, на орбите Елизаветы, мятежникам еще удастся осуществлять отдельные вылазки. Но, уверяю вас, вопрос будет окончательно решен не то что в ближайшие дни – в ближайшие часы. Подпространственный космопорт, посредством которого мятежники могли получать помощь извне, уничтожен вчера. Оба космодрома после наших ударов с орбиты стали практически непригодны для использования, и восстановить их мы уже не позволим. Единичные запуски враг осуществляет с замаскированных стартовых площадок, небольших, не поз-

воляющих поднять соединения, представляющие сколько бы серьезную угрозу, и наши доблестные истребители...

Полковник перестал вслушиваться в гладко звучащую речь Мезенцева. Песня старая и хорошо известная: всем победам мы обязаны героическому флоту, а сухопутчики, высадившись на планеты, приходят уже на готовое... Старенький командующий не то благосклонно кивал, слушая о недавних подвигах своих подчиненных, не то клевал носом в приступе дремоты.

Несвицкий внимательно разглядывал собравшихся людей. Офицеры-армейцы тоже слушали контр-адмирала без энтузиазма, и наверняка имели собственное мнение о том, кто несет на себе главную тяжесть войны: в космосе, дескать, сражаться проще – враг виден издалека, не спрячется, не забьется в крысиную норку, а попробуйте-ка очистить от враждебного элемента поверхность планеты, особенно когда открытый бой сменяется затяжной партизанской войной.

Единственный среди собравшихся офицеров человек в штатском вицмундире, естественно, вызывал любопытство. Полковник присмотрелся к его петлицам: надворный советник, проходит службу по Министерству возвращенных территорий. Надо полагать, представитель вновь назначенной гражданской администрации Елизаветы – или, как ее называют мятежники, Умзалы.

Контр-адмирал Мезенцев тем временем наконец закончил живописать подвиги своих орлов и соколов, – доблестных экипажей героических боевых единиц космофлота. И перешел непосредственно к тем вопросам, кои и надлежало решить на совете:

– Теперь, господа офицеры, о главном. Флот свою стратегическую задачу выполнил: сопротивление на орбите сломлено, высадка произведена, плацдарм захвачен и в настоящий момент расширяется. Дальнейшие задачи должны решаться уже в плотном взаимодействии с сухопутными войсками, с силами внутренней безопасности и с гражданской администрацией. Однако сопротивление мятежников, наголову разбитых в космосе, на поверхности Елизаветы продолжается с прежним ожесточением. Да, мы одержали викторию на одном континенте. На главном, но на одном. Всего же их на планете, напомним, пять, а если учесть, что Новая Аляска и Земля Чигиринского хоть и почитаются географами за острова, но от материков с точки зрения стратегии не отличаются, то нам придется повторять операцию высадки еще шесть раз. Как вы знаете, сколько-либо существенного морского флота, способного преодолеть океанские просторы – коим, захватив его, мы смогли бы воспользоваться, – на планете не имеется. Значит, предстоят суборбитальные десантные операции. Командование флота считает, что если потери, нанесенные вражескими ПВО и ПКО наземного базирования нашим штурмовикам и десантботам, вырастут в семь раз, – подобный ущерб существенно скажется на боеспособности флота. Держать же на орбите джамп-базу и три линкора для концентрированного подавления очагов сопротивления, – подобное решение никак нельзя признать разумным. Лишившись столь значительной части главных ударных сил, флот потеряет стратегическую инициативу в масштабах всей звездной системы. Наше победоносное и стремительное наступление превратится в череду локальных сражений между маневренными соединениями звездных крейсеров, мятежники получают время и возможность для мобилизации и перегруппировки сил, и последствия того могут быть весьма плачевны. Такова общая ситуация, таковы стоящие перед нами непростые задачи, и я жду ваших взвешенных советов, господа, о способах их решения. Прошу вас выступить первым, Сергей Анатольевич. Господа офицеры, кто не знаком, рекомендую: флаг-капитан князь Игнатьев-Центаврийский, за недавние мужество и героизм, проявленные при ликвидации орбитальной обороны мятежников, удостоен высочайшей благодарности и звания флигель-адъютанта Его Императорского Величества, в настоящее время исполняет обязанности командира эскадры легких крейсеров, и, я уверен, вскоре будет постоянно утвержден в этой должности.

Князь – высокий, статный, с благородной сединой в шевелюре – поднялся, коротко поклонился присутствующим.

«Героизм героизмом, но четыре крейсера второго ранга в орбитальных сражениях потеряны, – подумал Несвицкий, – в том числе флагман эскадры. И погиб ее командир, милейший Карл Иванович фон Энквист, человек удивительной доброты, прославившийся на весь флот чутким и тактичным отношением к подчиненным...»

Князь же Игнатьев, как немедленно выяснилось, от излишней доброты не страдал. По крайней мере, проявлять ее в отношении продолжавших сопротивление мятежников не считал нужным.

– Задача ясна, – без обиняков заявил флаг-капитан. – Мы не можем губить лучшие силы флота лишь для того, чтобы сломить обреченных фанатиков. И не можем двигаться дальше, оставляя за спиной очаги сопротивления. Единственно возможный выход, по моему мнению, – добиться безоговорочной капитуляции противника. Выковыривать по одному рассредоточенные и хорошо замаскированные комплексы ПВО – значит, понести неоправданные потери техники, людей и времени. Предлагаю предъявить мятежникам ультиматум о немедленной капитуляции и затем провести серию акций устрашения. Уничтожать по одному городу в день – до основания, вместе с населением. Уверен, через неделю сопротивление будет сломлено.

– В свое ли вы уме, господин флаг-капитан?! – неожиданно рявкнул мощный, звучный голос, и Несвицкий вздрогнул, не поняв в первый момент, кому он принадлежит. Казалось, что в просторной кают-компании джамп-базы прозвучал пресловутый библейский «глас свыше».

Но нет, голос и слова принадлежали командующему. Флаг-адмирал резко поднялся с кресла и отнюдь не выглядел теперь дряхлой развалиной: плечи распрямлены, глаза мечут молнии... Несвицкий понял, что сейчас видит того, давнего героя Гражданской, – остановившего молниеносное наступление флота мятежников, имевших подавляющее превосходство в силах, на ближних подступах к Новому Петербургу. Спасшего и столичную планету, и Высочайшее Семейство от беспощадной резни, позволившего провести плановую эвакуацию...

Годы тем не менее брали своё, – вспышка адмиральского гнева оказалась весьма недолгой. Командующий на глазах обмяк, плечи опустились, затем опустился в кресло и сам старик, – не сел, но буквально-таки свалился... Голос его зазвучал негромко, и с каждым словом звучал все тише:

– Там ведь живут люди, Сергей Анатольевич, как вы не понимаете... Некомбатанты, мирные обыватели... Наши люди... Русские люди...

В кают-компании повисла звенящая тишина, все посторонние звуки смолкли, офицеры напряженно вслушивались в слабеющие слова флаг-адмирала.

– Продолжайте, господа... – почти прошептал он. – И я надеюсь услышать более взвешенные предложения...

От армейцев выступил генерал-майор Славич. И тоже подверг критике идею флаг-капитана, хотя и выдвинул совсем иные резоны, чем командующий. А если мятежники не сдадутся? Тридцать с лишним лет прошло, господа, выросло новое поколение, настолько зараженное идеями коммунизма, что... Он, генерал, насмотрелся на освобожденном Новом Петербурге: фанатики, самые настоящие фанатики. Не все, конечно, но немалый процент... И этим фанатикам никакие жертвы не покажутся чрезмерными ради торжества их бредовых идей.

Тактику генерал предложил смешанную, половинчатую: неторопливо, не стремясь купить немедленную победу ценой ненужных жертв, уничтожать очаги сопротивления местными силами армии и флота. Удары из космоса – но не главным вооружением линкоров и джамп-базы, не глобальные, уничтожающие всё и вся на большой площади. Вместо этого – конкретная отработка крейсерами и эсминцами конкретно выбранных целей, исключительно военных, разумеется. Плюс наземные операции сухопутчиков. Плюс локальные десанты спецназа, как армейского, так и флотского, а масштабную высадку на другие континенты совершать

лишь после того, как потери в подобной операции не станут чрезмерными. Не станем гвоздить кувалдой, образно выразился генерал-майор, но измотаем врага уколами рапиры. Да, времени потребуется больше, – недели, может быть, месяцы. Но иного выхода он, Славич, не видит.

Завязалась дискуссия. Большинство собравшихся офицеров поддерживало, с теми или иными вариациями, одну из двух высказанных точек зрения.

Выслушали всех. Затем контр-адмирал Мезенцев обратился к человеку в чужом мундире, не проронившему за весь совет ни слова. Точнее, не совсем к человеку... А если уж совершенно точно – совсем не к человеку.

– Будем рады услышать ваше мнение, мнаэвр Гнейи.

Хултианин встал и несколько мгновений молчал с совершенно каменным, неподвижным лицом. Полковник Несвицкий знал эту манеру хултиан – прежде чем что-либо сказать, непременно помолчать, выдержать длинную паузу. Нехитрый вроде бы трюк, но срабатывает без осечек. Спроси у хултианина любую ерунду, какого он мнения о погоде, например, – изреченный ответ покажется глубоко продуманным, чуть ли не истиной в последней инстанции.

– Мятеж должен быть подавлен, – произнес наконец мнаэвр хултианин на чистом русском, но с глубоко-глубоко спрятанным чуждым акцентом. – И не должен никогда повториться. Для этого должны быть уничтожены все мятежники, все сочувствующие им и все укрывающие их. Каким способом наши уважаемые союзники сделают это – их внутреннее дело. Мы окажем всю доступную нам помощь в любом начинании, ведущем к означенному результату.

Он вновь замолчал, ничем, однако, не давая понять, что закончил свое выступление.

Чужой... Совершенно чужой... Вроде бы черты лица, если рассматривать каждую в отдельности, ничем не отличаются от людских. Да и размеры и пропорции фигуры тоже. Лица как у людей, и та же анатомия, но достаточно одного взгляда, – и словно бы болезненный укол острой иглой: чужие! Странно, но трезиане – остатки древней, давно утерявшей былое могущество расы – воспринимаются как-то иначе, без ощущения столь режущей глаз чуждости... Хотя на людей не похожи абсолютно. Наверное, в этом все дело, в подсознательном психологическом барьере: так похожи на людей, – но не люди! И подсознание бьет в набат, трубит тревогу: среди нас чужак! Среди нас оборотень, лишь прикидывающийся человеком! Чужой! Чужой!!!

Выдержав полагающуюся паузу, хултианин сказал ожидаемое:

– Это мнение моё, и моего правительства, и моего народа. – Сказал и уселся на место.

Что да, то да... Этого у хултиан не отнимешь. Не было ни одного случая в их взаимоотношениях с эриданцами, чтобы хултианское правительство, например, дезавуировало какое-то заявление своего дипломата. Или бы объявило самоуправством действия какого-то хултианского офицера. Один народ – одна воля, примерно так переводится на русский их главное жизненное кредо. С одной стороны, принцип коллективной ответственности всех за каждого можно еще как-то понять, а с другой... Куда, черт побери, они девают несогласных, мыслящих иначе, не в общей направленности? – недоумевал порой полковник Несвицкий. Не может же таких совсем не быть...

Однако двадцать лет назад преогромнейшей удачей стала случайная встреча в космосе с расой, таким вот образом относящейся к инакомыслию... Без активной и всесторонней помощи хултиан едва ли стала бы возможной нынешняя реконкиста – речь в те годы шла о том, удастся или нет отстоять от мятежников немногочисленные планеты, оставшиеся под властью Империи. И многие считали, что не удастся, что придется совершить новый Исход, превратиться в межзвездных скитальцев без дома и родины...

3

– А теперь нам было бы очень интересно узнать ваше мнение, Вазген Саркисович, – обратился к штатскому контр-адмирал. – Ваше и представляемого вами министерства, разумеется. Надворный советник Адабашьянц, господа офицеры.

Вот даже как... По-простому, без «господина», и в интонации слышится холодок, не особо даже и замаскированный. Ну конечно, когда его превосходительство контр-адмирал именует выслужившегося из «беспупковых», будь он хоть трижды надворный советник, на «вы» и по имени-отчеству, – само по себе честь немалая. Но величать «господином» холопьевого потомка, по мнению Мезенцева, – уж чересчур. Всё ясно... Контр-адмирал из той породы твердокаменных ястребов, которые ничего не забыли и ничему не научились...

Речь надворного советника не затянулась, – изложенная холодно, сухо, без каких-либо эмоций.

Елизавета-Умзала с ее гигантскими запасами стратегического сырья, говорил Адабашьянц, одна из ключевых планет не только Беты Эридана, но и всей Империи, – как освобожденной ее части, так и остающейся пока в руках мятежников. Война – весьма прожорливый младенец, можно сказать, ненасытный. Запасы снаряжения, техники и боеприпасов, накопленные за двадцать лет, расходуются теперь очень быстро. Он, надворный советник, не откроет великую тайну, если скажет: расходуются быстрее, чем возобновляются. И если бы не бесценная помощь союзников (поклон в сторону хултианина), то победоносное наступление уже на нынешнем этапе весьма замедлилось бы из-за недостатка ресурсов. Но какие громкие победы не были бы одержаны сейчас, выбор стоит простой: или мы в кратчайшие сроки налаживаем производство, в первую очередь военное, на возвращенных территориях, или обрекаем себя на проигрыш войны в стратегической перспективе.

Отсюда вывод: министерство не намерено вмешиваться в дела армии или флота. Однако же категорически настаивает (и рекомое требование поддержано Личным кабинетом его Императорского Величества): шахты, рудники и разрабатываемые открытым способом месторождения Елизаветы должны пострадать как можно меньше. Решать, каким именно способом будут достигнуты необходимые результаты, – прерогатива господ военных. Но ясно, что всеуничтожающие удары из космоса исключены. Елизавета – планета малонаселенная, все ее города и поселки образовались возле тех или иных месторождений, уничтожение их автоматически означает: добыча сырья будет возобновлена не скоро. А это – поражение. Никакой героизм не поможет, если боевым кораблям будет не на чем летать и нечем стрелять.

Так вот выглядит ситуация с его экономической колокольни. Решайте сами, господа, но будьте мудры, предусмотрительны и осторожны.

– А теперь слово вам, Михаил Александрович. Господа, кто не знаком: полковник Отдельного корпуса Несвицкий, адъютант его высокопревосходительства наместника, светлейшего князя Горчакова.

Несвицкий встал, тоже звякнув шпорами, – офицеры ОКЖ, «черная гвардия», как их иногда неформально именовали, номинально числились по ведомству гвардейской кавалерии.

– Господа, я должен осветить еще один крайне важный аспект проблемы, до сих пор не обсуждавшийся, – начал полковник. – Естественно, всё мною сказанное будет отражать мнение командования Отдельного корпуса жандармов, равно как и его превосходительства наместника. Более того: проблема известна Его Императорскому Величеству и находится под его личным контролем.

Несвицкий помолчал, чтобы все осознали и прониклись важностью сказанного, затем вдруг понял, что бессознательно подражает хултианам, мысленно сплюнул и продолжил уже проще, без высокопарных формулировок:

– Разговор пойдет о главном богатстве нашей цивилизации. И это отнюдь не руды и прочие ископаемые, хотя я вполне понимаю и разделяю резоны Министерства территорий. Это гены – огромные запасы генетического материала, привезенные на борту «Ковчега-7». С острой проблемы все знакомо, я надеюсь, – не новость, в каких ничтожных количествах рождаются у нас дети естественным путем, и какие странные отклонения зачастую имеют. Речь не только о рабочих Эрладийских рудников, превратившихся в совершеннейших мутантов. Речь обо всем человечестве Эридана. Геном человека оказался слишком хрупким предметом для жизни под чужими звездами...

Несвицкий ни в малейшей мере не преувеличивал. Естественная рождаемость – даже если бы все дети рождались нормальными – не смогла бы обеспечить воспроизводство населения, не говоря уж о его приросте. А многих родившихся назвать нормальными язык не поворачивался... Оставалось лишь благодарить авторов проекта «Исход», в свое время снабдивших каждый громадный корабль-ковчег запасами мужских и женских половых клеток, достаточными для рождения многих триллионов людей.

Тогда, четыреста лет назад, идея эта вызвала на Земле много неистовых споров. Особенно яростно возражали религиозные ортодоксы: размножаться надлежит тем способом, для которого создал Господь людей, и никак иначе. Полковник Несвицкий искренне считал себя православным христианином, но был убежден в обратном: зачем тогда Господу было наделять каждую дочь Евы тремя-четырьмя сотнями яйцеклеток? Столько детей самой физически не выносить и не родить... Это не говоря уж о количестве мужских сперматозоидов, на многие порядки больше... Не состоял ли Божий план при таких вводных в ином? Не предусматривал ли, что люди должны в конце концов перейти к искусственному воспроизводству?

Как бы то ни было, но лишь привезенные с собой запасы генетического материала позволили человеческой цивилизации Эридана не просто выжить, но и очень быстро развиться. Естественно, любые запасы когда-то закончатся. Но эриданцы получили очень большую фору... Генетические исследования шли полным ходом, окончательный результат не был достигнут, но наличие весьма обнадеживающих успехов признавали даже пессимисты. Все испортил проклятый мятеж... Затем, в ходе гражданской войны, произошло самое страшное: почти все генетические запасы попали в руки мятежников. И до сих пор не возвращены.

Об этом и повел речь Несвицкий:

– Контейнеры с генетическим материалом мятежники успели эвакуировать из главного хранилища на Новом Петербурге. Через Портал, на какую-то иную планету – но куда именно, нашей агентурной разведке установить не удалось. И вероятность того, что новое хранилище оборудовано где-то в заброшенных штольнях Елизаветы, исключать нельзя. Поэтому работать, господа, придется в белых перчатках.

Полковник выразительно посмотрел на Игнатьева-Центаврийского и добавил:

– Это приказ Его Императорского Величества.

Повисла пауза. Несвицкий, обводя присутствующих тяжелым взглядом из-под наполовину опущенных век, произнес:

– От себя добавлю, господа: у Отдельного корпуса есть *очень веские* основания полагать, что главное наше сокровище спрятано именно здесь. На Елизавете.

А вот это стало уже чистой воды провокацией... Или, если выразиться мягче, проверкой. Оснований, упомянутых Несвицким, не имелось. Имелось другое – две крохотных, совершенно незаметных со стороны камеры, имплантированных на внешнюю сторону век полковника. Включились они после того, как жандарм встал. Позже запись будет изучена самым дотошным образом, отслежены микроимические, неподконтрольные разуму и воле реакции каждого из присутствующих.

Потому что на Новом Петербурге пришлось столкнуться со следами *чужого* интереса к проблеме. Кто-то, действуя втайне и не стесняясь в методах, пытался выяснить то же, что «черные гвардейцы»: куда именно отправлены контейнеры из хранилища.

Выяснить, какая именно из влиятельных сил Империи затеяла свою непонятную игру, не удалось: быстротечная схватка в невидимой миру войне, несколько трупов, несколько оборванных нитей...

Но командование Отдельного корпуса очень желало знать, с кем именно довелось столкнуться на узенькой тропинке.

Глава третья

Работа в белых перчатках

1

Степь здесь мало заслуживала такого названия, скорее напоминала полупустыню. А то и попросту пустыню...

Местность по мере приближения к Эрладийскому нагорью повышалась, иссушенная жаркими лучами Беты Эридана, ручьи и родники исчезали, редкие реки текли лишь весной, а летом превращались в цепочки не соединявшихся между собой озер, постепенно высыхающих. И лишь вокруг тех озер, вдоль их влажных берегов, росли нормальные травы, и кустарники, и деревья.

Но чуть дальше, уже через сотню-другую шагов, начиналась пустыня. Не песчаная, а каменная: поверхность – сплошная каменная крошка, и валяются на ней камни покрупнее – с кулак, с голову, и разбросаны кое-где валуны, остатки древних, почти до основания разрушившихся Эрладийских гор. Росло кое-что и там: перекрученные, ядовитыми шипами оцетившиеся стебли, почти лишенные листвы, один от другого в нескольких метрах.

А еще – ядовитые испарения, время от времени вырывающиеся из трещин в скальных породах. И жесткое излучение с весьма необычным спектром: вроде ты жив-здоров, и волосы не выпадают, и кровь в порядке, но через несколько лет такое начинается...

Гиблая, в общем, местность.

Лет тридцать с лишним назад, вскоре после того, как прогнали кровопийц-эксплуататоров и повсеместно стирали с карты ненавистные народу названия, собрались было переименовать и Эрладу, и даже название придумали новое, правильное: Кразнара, да засомневались: называть в честь красного знамени революции места эти проклятые?! Так и остались предгорья и пустыня Эрладой...

...Десантировали их за час до рассвета, а подняли по тревоге вообще вскоре после полуночи, не позволив толком не выспаться. Многие досыпали в трюме десантного глайдера, на полу, в тесноте, вповалку, никаких удобств внутри железной коробки не имелось, даже откидные сидения демонтированы – лишь бы впихнуть побольше бойцов. Олегу еще повезло, устроился у самого борта, и лишь с одной стороны давили горячие тела товарищей.

Повезло-то повезло, но... Десантный глайдер – жестянка, по большому счету. Кое-какой броней прикрыта лишь кабина экипажа да еще двигательный отсек, а тоненькие борта трюма, в который загнали курсантов училища младкомсостава, прошьет даже очередь из самого захудалого пулемета, самыми обычными пулями... Тем, кто в центре, еще может повезти, а вот он, Олег... Ладно бы в руку или в ногу, а если в голову? Или в сердце? Получить геройское ранение можно, но чтобы насовсем... Обидно погибать, не повоевав, не убив ни одного имперского гада... И с девушками толком не целовавшись...

Поразмыслив, Олег натянул шлем, затем переместил вещмешок, служивший импровизированной подушкой, – положил так, чтобы получилась преграда между телом и тонким металлом борта. Запихал туда же сумку с противогазом, все-таки еще один лишний защитный слой на пути вражеской пули...

Запихал, сам понимая, каким идиотом выглядит, цифры ТТХ их заставляли учить так, чтобы от зубов отскакивало, и пробивную способность стрелкового оружия знал прекрасно... Но ведь недаром говорят, что лишняя соломинка ломает спину свиноруху?! Значит, и метал-

лопластиковый корпус противогазного фильтра способен хоть немного, но изменить траекторию пули, а большего Олегу и не надо.

Добрались до точки высадки без приключений. Куда именно? А кто же им докладывал... Люк распахнулся, за ним – ночь. Команда: «Все наружу! С вещами и оружием!» Будущий младкомсостав выпрыгивал из глайдеров, строился по отделениям, повинуюсь новым командам.

Выпрыгнул и Олег, встал в строй. Фары глайдеров погашены, ничего толком не разглядеть...

Где-то шел бой, далеко, в нескольких километрах. На горизонте небо раздирали огненные вспышки, доносился ослабленный расстоянием грохот.

Незнакомый командир прошелся перед строем – форма запыленная, голова перевязана, петлицы Олег не сумел рассмотреть во мраке. Долгих речей перевязанный не разводил:

– Товарищи курсанты! Командованием поставлена задача огромной важности! Враг рвется к Эрладийским рудникам. Его надо остановить. Здесь. Нам. Любой ценой. Пока мы живы, ни один имперский танк, ни один глайдер не должен пройти к Эрладе.

Обвел строй взглядом, хотя наверняка мог разглядеть лица только самых ближних к себе курсантов. Вроде бы хотел сказать что-то еще, но не сказал, махнул рукой и скомандовал другим тоном:

– Приступить к разгрузке! Командиры рот – ко мне за инструктажем.

Принимая из грузового люка и передавая дальше длинные тяжелые ящики, Олег недоумевал. Что же получается? Десять долгих месяцев их учили на командиров, и почти выучили, и вдруг – под танки! Нет, он понимает, что приказ есть приказ, и обсуждать его бессмысленно, но... Но ведь в должности командира взвода он, Олег, принес бы больше пользы...

Закончили разгрузку, тут и ротный вернулся, лицом мрачней тучи. Построил роту в колонну, повел куда-то в темноту. Четыре ящика из выгруженных понесли с собой. Всего четыре на девяносто человек. В ящиках, знал Олег, лежали «нюшки»... Отчего такое прозвище закрепилось за портативными излучательными комплексами для борьбы с наземными и низколетящими целями, неизвестно. Однако вот прикипело название, и официальную аббревиатуру никто не поминает... «Нюшка» – оружие простое, но эффективное. Жаль, что фактически одноразовое, даже сменные аккумуляторы в комплект не входят... Но если хорошенько замаскировать огневую точку, то с нескольких сотен метров любую бронемашину «нюшка» превратит в кусок мертвого металла, со спекшейся электроникой и хорошенько поджаренным экипажем. Если сильно повезет, и противник замешкается, не сразу накроет расчет ответным ударом, то можно успеть превратить в металлолом еще один танк или бронеглайдер...

Четыре «нюшки» – для восьми человек. А остальные? Будут палить из личного стрелкового в надвигающуюся железную смерть? Это ведь только героический боец Владлен Октябрь в бесконечном мультсериале о своих похождениях умудряется угодить из подствольника то в воздухозаборник пикирующего на него штурмовика, а то и прямоком в дуло танковой пушки, подрывая в ней готовый к выстрелу снаряд... В реальной жизни на такое рассчитывать глупо.

Понимал это не один лишь Олег. Потому что в затылок слышался хриплый сдавленный шепот:

– На убой ведут, парни. Даже ведь УОКов нет... Камнями в танки кидать будем? Имперцы тут пройдут, нас не заметив, лишь потом глянут: что там к гусеницам прилипло?

Олег не сразу, но понял, кому принадлежал шепот: Позар-рыжий, из второго взвода, у них там два Позара, вот и различают по мастям: рыжий да черный...

Рыжий продолжал бубнить о полной бессмысленности предстоящей гибели, и Олег собрался было заткнуть паникера, но кто-то успел раньше:

– Смолкни, сука! Не хорони до срока!

Позар обиженно замолчал. Шагали молча и недолго, с полчаса где-то. Остановились, новая команда: разойтись, перекурить, оправиться. Перекурили, старательно пряча огоньки

папирос кто в ладонях, кто под полкой. Оправились, кому приспичило. Посидели на вещмешках – жесткие, с острыми сколами камни больно впивались в тело даже сквозь форму. Перекурили еще... Помалу начал донимать холод, Олег удивился: он-то считал, что Эрлада – место куда как жаркое... Кто-то высказал то же самое удивление вслух, другой голос пояснил: тут всегда так, днем жара дикая, ночью холодрыга, оттого-то и камни трескаются, на куски рассыпаются... Подожди, часа через три после рассвета так припечет, что холодок этот ночной за счастье вспоминать будешь. Рыжий встрял снова: а дадут ли нам дожить до жары-то? Ох как сомнительно...

Тут уж Олег, успевший всё хорошенько обдумать, его оборвал: хватит панику сеять! Не дурней же тебя командование? Ясней ясного, что танки до нас не доедут, разве что один или два через передовые рубежи прорвутся. Ну и поджарим имперцев из «нюшек», молодым командирам боевой опыт не помешает.

Рыжий паникер хотел что-то возразить, но тут Жега-взводный подошел, и разговоры стихли. Поднял своих, провел чуть левее, – вот, дескать, наша позиция. Окопаться и приготовиться к обороне.

Оставался бы у них комвзвода по-прежнему старшина Умзар, как в первые месяцы обучения, – уж точно бы такую глупость не сморозил. Бывалый был мужичок, в гражданскую повоювавший. Но как новая война началась, всех старых взводных из училища тут же забрали, взамен назначили из своих же курсантов: практикуйтесь, дескать, товарищи будущие командиры.

А Жега, конечно, из успевающих курсантов был, но...

Окопайтесь... Ну-ну... Потыкали для вида малыми пехотными лопатками в камень – приказ есть приказ. Да только тут самый захудалый окопчик долбить полгода придется, если, конечно, без взрывчатки или лазерного бура.

Жега и сам сообразил, что промашка вышла, призадумался и новый приказ выдал: валуны используйте, да бруствера выкладывайте из камней, тех, что поменьше.

Стали использовать и выкладывать... Но валунов на всех не хватало, да и камни не больно густо тут рассыпаны оказались, хилые бруствера получались, даже не спрятаться толком, не то что огонь вести.

А Олег к взводному, по всей форме, негромко так:

– Разрешите обратиться, товарищ комвзвода? По личному делу?

И в сторону кивнул, и лицо серьезное изобразил: мол, личное дело-то, да не совсем...

Отошли. Олег резину тянуть не стал: так мол и так, товарищ Жегвар, пособник врага среди у нас обнаружился, вернее, не у нас, – во втором взводе. Панику сеет, людей смущает, вот-вот к дезертирству подбивать начнет. Или сам, один в ночь смоемся, ищи его потом всем училищем, пустыню на жару прочесывай.

Жега лицом помрачнел, ушел куда-то. К ротному начальству, надо понимать. И вскоре вестовой прибежал, за Олегом: курсант Ракитин, бегом до комроты!

Рассветало...

У большой скалы несколько человек собрались. Сам ротный, и Жега, и Стален, второго взвода командир. Курсантов трое – из тех, что речи рыжего слышали. И Позар тут же – без оружия стоял, без шлема, без ремня...

Комроты подошедшему Олегу планшетку в руки сунул, да бумаги лист, да ручку: пиши, секретарем будешь.

Олег не понял: каким секретарем? Ротный прошипел: трибунала, мать твою! И голос злобный-злобный...

Ну дела... Олег-то думал, что Позара под арест, да на гауптвахту, а потом рядовым на фронт, не нужен нам комсостав с такими-то мыслями... Как бы не так. Ротный пару вопросов свидетелям задал, к рыжему повернулся: чем оправдаешься?

Тот не оправдывался. На Олега уставился, одно твердит: сука, сука, сука... Голос бабий стал какой-то, чуть не рыдающий.

А ротный уже Жегу и Сталена в сторону тянет, совещаться. И тут же обратно вернулись. Комроты приговор огласил, быстро так, Олег записывать не успевал, какие-то обрывки фраз только на листок попадали: «по законам военного времени...», «решили единогласно...», «привести в исполнение немедленно...»

Олег не сразу понял, что пишет. Думал, ослышался.

Расстрел??!!

За слова, по глупости сказанные?!

А ротный уже на Олега показывает, скрежещет:

– Ты изменника выявил, тебе и точку ставить!

Час от часу не легче... Может, пугает ротный Позара? Чтоб на всю жизнь проникся, каково языком трепать?

Рыжий дожидаться и проверять: так оно или нет, – не стал. Только что стоял обмякший, словно сонный, и вдруг закатал ближнему курсанту кулачищем между глаз. Да как побежит!

Ба-бах! – рывкнул пистолет ротного.

Позара вперед швырнуло, рухнул, лежит, не шевелится... Кровь по камням расплзаться начала...

А Олег смотрел и поверить не мог, что всё наяву, взаправду. Казалось, задремал все-таки в глайдере, разморило, и вот-вот проснется от команды «Все наружу! С вещами и оружием!»

2

Красногальск, родной городок Юлены, казался в предрассветной мгле мертвым.

И не только затемнение тому причиной, Юля уже привыкла к нему за последние две недели: едва стемнеет, нигде ни огонечка... Она не сразу сообразила, в чем дело, но затем поняла: звуки! Вернее, их отсутствие... И детство ее, и все семнадцать лет жизни прошли под эти звуки, ставшие настолько привычными, что сознание их игнорировало, не воспринимало. В Красногальске всегда было шумно, в единый звуковой фон сливались и шум техники с близлежащего «червонца» – разреза имени Десятилетия революции, и низкий гул воздухоплатователей с обступивших городок шахт, и несмолкаемый рокот сепараторов обогатительного комбината...

Теперь смолкло всё. И родной Красногальск показался чужим и безжизненным. Мертвым. Громадные силуэты терриконов выглядели тушами исполинских чудовищ, приползших непонятно откуда, чтобы сдохнуть именно здесь. Дома стояли бесплотными призраками, и отчего-то у Юли крепло убеждение: войди в любой, и никого не найдешь, ни единого живого человека, лишь разбросанные вещи, покрытые толстым многолетним слоем пыли...

Где-то она читала или слышала, что подпространственные переносы воздействует не только на пространство, но и на время, иначе мгновенный перенос из одной точки в другую попросту невозможен... Но свойства этого воздействия якобы толком не изучены. Вдруг удар имперских убийц по умзальскому Космопорту привел к какому-то странному хроноэффекту? Всех, кто оказался поблизости, – и своих, и врагов, – зашвырнуло в будущее? И дома Красногальска уже много лет, много десятилетий стоят пустые и безжизненные, и много лет разрушаются заброшенные рудники и шахты... Нет никого, кто знал и любил Юлену, их кости распались в невесомый прах, и она осталась одна, совсем одна на всем свете...

Юля переставляла ноги все медленнее и медленнее. Она не хотела войти в свой мертвый дом...

Звук раздался неожиданно и рядом, – собачий лай, звонкий и залиvistый. Юлена разо- злилась: тьфу, навывдумывала, ничем не лучше Донары с ее дурацкой вражеской байкой о разумных ракатицах... Она зашагала быстрее.

Вид у нее был... Про то, как она сейчас выглядит, Юлена старалась не думать. Не видит никто, и ладно. Вся одежда осталась после бегства на берегу реки, и обувь тоже, большую часть пути пришлось отшагать голышом. И босиком, что еще хуже, – израненные, исколотые ноги покрылись сплошной коркой запекшейся крови...

Несколько часов назад ей повезло, нашла на краю поля несколько не то позабытых, не то брошенных мешков с химическими удобрениями. Теперь один из тех мешков, опустошенный и вывернутый наизнанку, не очень-то успешно пытался изобразить платье (дырки для головы и рук пришлось проделать в неподатливой синтетической ткани при помощи зубов). На ступни были намотаны полосы той же ткани – хоть какая-то, но обувь...

Пробиралась Юля окраиной Морозовки.

Красногальск был невелик, чуть больше пятидесяти тысяч населения. Однако числился административным центром края, – остальные разбросанные по Гальской степи городки и шахтерские поселки были еще меньше. Город образовался некогда путем слияния нескольких рабочих поселков, расположенных рядом с одноименными шахтами, и отдельные районы его стояли несколько наособицу. Морозовка и была одним из таких районов-поселков. Здесь Юлена родилась, здесь прошли ее детство и юность, в небольшом одноэтажном, на две семьи, домишке. Но сейчас все тут казалось не родным и близким – незнакомым и смертельно опас- ным.

Она пересекла двор неслышной тенью, торопливо поднялась на крыльцо. Постучала негромко, условным стуком. За дверью – тишина, ни звука, ни шороха.

Ноги обмякли, сердце замерло, пропустило пару ударов. Неужели всё, что навоображала себе под конец пути, – правда?! Одицавшие собаки могут жить и в безлюдном городе...

Она забарабанила в дверь отчаянно, позабыв про всякую осторожность.

Сквозь узенькую щелку ударил лучик света, прямо в глаза. За дверью прозвучал встре- воженный женский голос:

– Кто там? Что случилось?

– Мама, мама, мама... – шептала Юля, и слезы катились по ее щекам.

3

Через час после рассвета и в самом деле стало припекать, все сильнее и сильнее.

Струйки пота скатывались под формой, шекотали тело. Металл гаусс-винтовки раска- лился, Олег старался касаться только пластмассовых ее частей, но затем решил поправить при- цел подствольника и чуть не обжегся... Голова внутри шлема... да, примерно так, наверное, ощущает себя содержимое кастрюли, поставленной в печь.

Казалось: пусть уж все поскорее начнется и закончится. Лучше бой, чем такое вот жаркое и потное его ожидание... Хотя, конечно, страшновато было. Первый бой... Да еще против бронетехники... Даже когда на тебя танки на полигоне прут, и знаешь, что снаряды у них учебные, а эмиттеры только имитируют боевое излучение, – и то поджилки подрагивают...

И все же Олег нетерпеливо ждал боя. Потому что мысли все время сворачивали на недав- нее происшествие с Позаром. Очень неприятные мысли...

...Выстрел комроты не убил беглеца, всего лишь пробил бедро. Стоять самостоятельно Позар не мог, его держали под руки, – пока Стален, с трудом разбирая каракули Олега, зачи- тывал приговор перед мрачным строем курсантов.

А потом произошло самое мерзкое... Ротный, не глядя, потыкал пальцем в строй – ты, ты, ты... – вызвал вперед шестерых. Седьмой – Олег. Расстрельная команда. Приговоренного

привалили не то к громадному валуну, не то к небольшой скале, и, едва отпустили, – он тут же ополз, оплыл на землю, сложился пополам, уткнув голову в колени... Мимикрирующий комбинезон немедленно принял буро-ржавый цвет скалы. Бинты на небрежно перевязанной ноге Позара набухали красным.

По команде «Пли!» Олег выстрелил, закрыв глаза... Наверное, для того и назначают в расстрельную команду несколько человек, чтобы каждый мог потом заниматься самообманом: может, вовсе и не моя пуля прикончила изменника... Да только здесь не тот случай: расстреливали не пулями – гаусс-разрядами. С такого расстояния не промахнешься, как ни зажмуривайся...

Когда Олег поднял веки, все закончилось. Человека перед ними не было. Спекшееся *ничто*... А уж запах... Два с лишним часа прошло, но казалось: отвратительная вонь горелого мяса до сих пор терзает ноздри. Оттаскивать в сторону и засыпать мелкими камнями *это* тоже пришлось их семерке. Никто не произнес ни слова, но взгляды Олег ловил весьма недоброжелательные. Из-за тебя, дескать, в палачи угодили...

Но разве он виноват?! Разве не так же должен был поступить на его месте любой революционный курсант?! Каждый... Но сделал то, что был должен, лишь он... Правильно всё сделал, но отчего же так мерзко на душе?

...Атака, как ее ни ждали, началась неожиданно. Нарастающий вой – пронзительный, вонзающийся в мозг – послышался сверху. Штурмовики, догадался Олег. Заходят на атаку со стороны солнца... Быстрым движением опустил светофильтр на щиток из бронестекла, прикрывавший шлем спереди, поднял взгляд. Так и есть: на потемневшем небе желтеет пятно солнца, а рядом – черные пятнышки, почти не движущиеся, лишь увеличивающиеся в размерах...

Умом Олег понимал: рассеявшихся, забившихся в каменные щели курсантов не увидят ни глаза пилотов, ни хитрые приборы: форма мимикрирующая, в инфрадиапазоне они тоже не видны, источников тепла вокруг хватает, над «нюшками» и их расчетами – все-таки изрядный компакт металла – раскинуты зонтики маскирующих полей, и металлодетекторы промолчат... Атаковать штурмовики смогут лишь вслепую, бить по площадям.

Всё так, но отчего-то казалось, что пилоты прекрасно видят именно его, Олега... Его одного – маленького, крохотного, незащищенного... Что у воющего в небе смертоносного железа лишь одна цель: он, Олег Ракитин.

– По штурмовикам не стрелять! – прозвучал голос Жеги-взводного в наушниках шлема. Уверенный голос, командирский, но Олегу отчего-то показалось, что очень глубоко в нем угнездилась неуверенность. А может, и вправду показалось...

Во всех учебниках по тактике, что приходилось штудировать будущим младшим командирам, говорилось одно и то же: атаку низколетящей бронетехники предваряет комбинированный удар с воздуха, ракетно-бомбово-лучевой.

Пилоты имперских штурмовиков, очевидно, те учебники не читали. Ракеты не помчались к земле, и не ударили лучи боевых лазеров, и не хлестнули плети гаусс-излучения, невидимые, но смертельные.

На позицию роты курсантов всего лишь посыпались бомбы... Взрывались они негромко, выбрасывая огромные облака темно-коричневого дыма. Завеса, понял Олег, и не только визуальная, – облака перенасыщены полиметаллическими микрокристалликами. Но и отравляющие компоненты не исключены... Он автоматическим, отработанным движением пристыковал цилиндр противогаза к воздухозаборнику шлема.

Завеса густела... Игра теперь пойдет на равных: имперцы не видят их, но и они не смогут засечь приближающиеся танки и бронеглайдеры.

– По танкам – огонь! – выкрикнули наушники голосом Жегвара.

Танков Олег не видел. Равно как и других целей... Вертел головой во все стороны, пытался разглядеть врага в разрывах дымовой завесы. Тщетно...

Но другие, похоже, увидели. Хлопали гауссовки (вернее, их системы охлаждения, выбрасывавшие отработанный инертный газ) и с противным визгом уходили к цели гранаты из подствольников. «Нюшки» работали практически бесшумно, и вступила ли в бой хоть одна из них, Олег не знал.

Танк вынырнул из дыма рядом, в паре сотен метров. Двигался он, конечно, на антиграве, на высоте человеческого роста над землей. Пушка повернута в другую сторону, но гаусс-эмиттер над башней вращается быстро-быстро, готовый в любую секунду и в любую сторону плюнуть невидимой и неслышимой смертью...

Олег поймал прицелом бронированную громадину. Стрелять из гаусс-винтовки в танк – занятие достаточно бесплодное. Защитные поля погасят энергию выстрела – температура внутри боевой машины повысится на тысячную долю градуса, на какую-то очень малую часть своей емкости разрядятся аккумуляторы танка... Вот и весь ущерб врагу.

Подствольный гранатомет чуть более эффективен. Но лишь чуть... Слишком невелики по размерам уязвимые части бронемашин, слишком большое рассеяние у гранат...

И все же Олег выстрелил в шар эмиттера, успев мельком подумать, что чем-то он напоминает школьный глобус, только ножка слишком толстая.

Ба-бах! Мимо... Граната просвистела в метре от цели, и ее белый дымный хвост исчез в туче дыма.

Слева тоже кто-то выстрелил по танку, тоже гранатой. Угодил в корпус – грохот, ослепительная вспышка, визг осколков. Зрелищно, но безвредно для танка. Кто там, слева? Олег не помнил, да и некогда было вспоминать...

Танк нанес ответный удар. Пушка рывкнула, и там, откуда прилетела вторая граната, встала стена багрового пламени. Ненадолго, на секунду или две – но живых среди обугленных камней не осталось с гарантией. ОВС, объемно-вакуумный снаряд, страшная штука...

«Зален...» – вспомнил Олег. Именно он там лежал, в укрытии между двумя валунами. Нет больше Залена, круглолицего улыбчатого парня, и обугленный труп его скорчился в позе эмбриона, отчего-то всех, угодивших в зону действия ОВС, находят потом именно в таком виде...

– Убийцы, убийцы, убийцы... – шептал Олег, нажимая на спуск, и сам не слышал себя за грохотом боя.

Гранаты летели в танк одна за одной, уже не прицельно, но если есть на свете хоть какая-то справедливость, то одна из них должна, обязана найти щелочку в защите и прикончить этих убийц...

Не прикончила.

Наоборот, сквозь разрывы гранат Олег различил, как башня танка неторопливо поворачивается в его сторону.

Ну вот и всё...

Гранаты в барабане подствольника закончились, но он не тянулся к подсыумку за новыми, замер, оцепенел... В голове вертелась одна-единственная дурная мысль: «Почему они не используют эмиттеры?» Как будто имеет какое-то значение, спалят тебя настоящим живым огнем или поджарят невидимыми глазу волнами...

А затем по танку прошла судорога. В самом прямом смысле – легкая рябь прошла по наблюдаемой Олегом картинке, словно он наблюдал танк не вживую, а на экране визора, и к телесигналу добавлялась какая-то помеха.

И боевая машина рухнула с двухметровой высоты! Катки не вращались, инерция протаскивала танк вперед на неподвижных гусеницах, одна лопнула, распласталась суставчатым телом,

словно громадная стальная сороконожка... Бронированная громадина замерла – неподвижная, накренившаяся.

«Нюшка» сработала! – понял Олег. Черт возьми, если у него когда-нибудь родится дочь, он назовет ее Анной, наплевать, что старорежимное имя! А звать будет только Нюшей, и никак иначе!

И тут же сквозь клубящуюся коричневую муть прорвался грохот, в разрывах дымовой завесы взметнулась и опала стена пламени... В наушниках – дикий вопль, оглушительный и очень короткий. Жега... Нет больше взводного... И «нюшки», спасшей Олегу жизнь, нет.

– Взвод, принимаю команду на се... – завопили было наушники сорванным, незнакомым голосом – вроде как Марлен, а может, и не он... Фраза тут же оборвалась, перешла в булькающий клекот.

Что было потом, Олег воспринимал кусками, отрывками, никак не связанными между собой эпизодами.

...Он рядом с мертвецом – шарит в подсумке, ищет гранаты к подствольнику, свои закончились, но и убитый успел расстрелять весь боезапас... Как он здесь очутился, Олег не помнил. И труп не опознал, шлема нет, вместо лица кровавое месиво, взрывная волна протащила мертвого уже человека по острым камням... Неподалеку подбитый боевой кибер – аккумуляторный отсек искорежен, растерзан взрывом, суставчатые конечности изломаны, нелепо разбросаны по каменистой земле, и кажется, что механическое существо, погибая, страдало и мучилось ничуть не меньше живого...

...Из дыма выныривает бронеглайдер, тоже дымящийся, – но клубы валят от него другие, черные. Машина подбита, идет не на антиграве, на колесном ходу, защита отключена, гранаты одна за одной ударяются в корпус, взрываются... Потом глайдер замирает, и Олег стреляет из гауссовки в посыпавшиеся из люков темные фигуры в громоздких защитных костюмах...

...Он сидит на валуне, и не слышит ничего, бой вокруг продолжается отчего-то бесшумно, шлема на голове нет, винтовка валяется рядом, – вернее, искореженный кусок металла, бывший недавно винтовкой... Руки в крови...

...Вновь бронеглайдер, на сей раз не подбитый, парящий на антигравитационной подушке, наплывает прямо на Олега, и выстрелить не из чего... «А ты швырни камень!» – издевательски советует мертвый Позар, и его – только его – Олег прекрасно слышит... Бежать и прятаться нет сил, он безвольно смотрит, как поворачивается в его сторону башенка бронеглайдера, и в последнюю перед выстрелом секунду успевает понять, что установлен в ней не лазер, но какое-то иное, незнакомое оружие...

И всё заканчивается.

Глава четвертая

Все для фронта, все для победы

1

Море тут было особенного цвета, – в хорошую погоду нежно-розового оттенка, словно в каждый литр воды кто-то пролил несколько капель крови... Во время штормов, здесь нередких, по умзалийским морям катились кроваво-красные валы с белыми шапками пены. Море, как всем известно, всего лишь огромное зеркало, отражающее атмосферу.

Утро выдалось тихое, маловетренное, а ночью вообще стоял полнейший штиль, ни дуновения, – и ничего хорошего в том, по мнению Славика, не было. Роторный парус застывшей у причала «Ласточки» едва вращался, а значит аккумуляторы, разряженные вчера, за ночь толком не зарядились... Они и в хороший-то ветер заряжались едва лишь на четверть номинальной емкости – старые, выработавшие все сроки... В начале этого сезона в рыбхозе должны были выдать новые, но война спутала все карты и председатель сказал жестко: не будет аккумуляторов, и других запчастей не будет, – все для фронта, все для победы.

Так что плавайте как знаете, хоть веслами гребите, но план выполняйте. В военное время невыполнение плана – вредительство и помощь врагу, а что за это бывает, сами знаете...

Знали... И старались, как могли. Почти все рыбхозовские мужики получили повестки – и на фронт; план тянули женщины и старые да малые. Штатный экипаж малого рыболовного бота – четыре человека, а в разгар путины, когда ракатицы или салангасы идут густыми косяком – пятеро. А нынче с МРБ «Ласточка» управлялись вдвоем – Славрев, или попросту Славик, призывного возраста не достигший, и дедушка, давненько вычеркнутый из всех мобилизационных списков.

Хотя, по мнению Славика, дедушка у него был еще ого-го! Седой, конечно, и лицо в морщинах, но и силой, и сноровкой молодому не уступит. Вот и сейчас – не стал возиться со сходнями, одним прыжком перемахнул с причала на борт «Ласточки». Пришлось и Славiku прыгать за ним, не позориться же на глазах у деда...

Мешкать не следовало, синоптики обещали, что задувший на рассвете ветерок будет крепчать, и предупреждали о шквалах, возможных во второй половине дня. Хотя, конечно, предсказывать погоду на Умзале – дело абсолютно не надежное, и ошибались предсказывавшие почти с той же частотой, что и угадывали. Тем более стоило поспешить.

Но сразу, как задумывали, отплыть не удалось. Едва Славик потянулся к кожуху двигателя, «Ласточку» окликнули с берега. Он обернулся, увидел: к сходням подошли трое. Одного Славик знал, да и все побережье знало, от Бугера до Ревограда, – Угрюм, последний на здешних берегах рыбак-единоличник. С ним еще двое мужиков, лица знакомые, встречались, но имен Славик вспомнить не мог, а может и не знал никогда. Да и Угрюм не имя, прозвище, а имени, считай, и нет – старорежимные запретили, а новое, революционное Угрюм взять не пожелал.

Лицо у дедушки стало мрачным. Показал внуку жестом: продолжай, дескать, подготовку к отплытию, а сам вернулся на берег. Неторопливо вернулся, по сходням, без лихих молодецких прыжков.

Славiku было интересно: что за дело к ним у этой троицы? Слухи про Угрюма бродили самые разные, в основном нехорошие. В свое время владел Угрюм тремя баркасами и коптильней на берегу, и, разумеется, упекли его на перевоспитание, как нетрудовой элемент, – никто не возвращался, а он вернулся...

Поговаривали, что Угрюм не просто рыбачит в одиночку на своей лодчонке (закупочные цены для единоличников мизерные, не прокормишься), а занимается злостным браконьерством, шурует темными ночами по рыбхозовским сетям и ловушкам. Но не пойман – не вор. Еще болтали, что имеет он знакомства где-то в верхах, или подписку дал сексотную, потому как не гуляют такие люди долго на свободе, отматывают один срок – и вскорости снова не перевоспитание, а то и сразу, за неделю до выхода из лагеря, новую статью получают. Болтали, но толком никто ничего не знал.

Как бы то ни было, когда в начале новой войны поселок Бухта имени Героев Революции (в просторечии Бугер) опустел – мужчин призвали, антисоциальные элементы профилактировали, – исчез куда-то и Угрюм. А теперь вот вынырнул...

Послушать разговор не удалось – дедушка, словно чувствуя любопытство внука и не желая ему потворствовать, отвел троицу пришельцев подальше, да еще и на подветренную сторону.

Славик продолжил подготовку к отплытию: проверил двигатель, проверил аккумуляторы (как и ожидалось, заряда в них кот наплакал), смазал лебедку... А сам словно ненароком поглядывал на берег, на дедушку и на Угрюма с приятелями. Разговор у них шел, судя по лицам и жестам, нехороший. Что-то они от дедушки хотели, и были весьма недовольны его ответами. Особенно старался один, имя которого не вспомнилось, – энергично и бурно жестикулировал, даже заехал в сердцах ногой по ограждению причала. Угрюм стоял молча. А руки держал за спиной, но Славик, наблюдавший за сценой сбоку, видел его сжатые кулаки.

Так ни до чего и не договорились... Троица пошла вдоль причала, дедушка вернулся на «Ласточку», лицом мрачней тучи. О чем шел разговор, Славик не стал спрашивать: если дед посчитает, что внука надо ввести в курс дела, сам расскажет. Но тот не рассказывал, и на доклад: бот к отплытию готов, хотя с аккумуляторами, конечно, беда, – внимания почти не обратил. Спросил неожиданное:

– Что с Лерой?

Что, что... Дрыхнет, что же еще? Первый выходной у сестры случился за десять дней, каникулы нынче отменили, и Лерка вместе с другими девчонками-одноклассницами пошла в рыбоконсервный цех, встала к конвейеру фасовщицей, наравне со взрослыми тетками, – на полную смену, двенадцать часов... Спит она и во сне видит серую ленту конвейера с ползущими по ней банками.

Так Славик дедушке и объяснил.

– Разбуди, – приказал старик.

Славик тяжело вздохнул, предчувствуя реакцию сестрицы на досрочную побудку. Огляделся – поблизости никого, Угрюм с приятелями скрылся за пакгаузами. Осторожность вошла в привычку, стала рефлексом, дед с раннего детства запрещал и Славику, и Лере демонстрировать свои способности к пси-общению. Почему запрещал, Славик уже и не помнил, наверное, как-то объяснил тогда малышам запрет, но объяснения давно забылись, а привычка осталась.

Он прислонился к решетчатому ограждению паруса, расслабился, закрыл глаза – чтобы выйти на контакт со спящей, требовалась полная сосредоточенность.

– Проснулась... Ох и ругается! – доложил Славик полминуты спустя, открывая глаза...

Дед уже отдал швартовы и запустил двигатель, негромко жужжавший на холостом ходу.

– Скажи ей, чтобы вставала, одевалась, завтракала. Потом пусть соберет наши рюкзаки, все три, как в турпоход примерно – еда, теплые вещи. И из дома ни ногой. Сидеть в режиме минутной готовности.

– Готовности к чему? К эвакуации?

Слухи об эвакуации в случае высадки имперцев бродили по поселку уже с неделю, но никто ничего толком не знал. Одни говорили, что придется шагать пешком до самого Космо-

порта, другие уверяли, что не придется, что поселки западного побережья уже начали вывозить куда-то морем...

– Ко всему пусть будет готова... Ко всему, – мрачно сказал старик и сдвинул рычаг на «малый вперед».

Двигатель зажуужал громче, «Ласточка» поползла вдоль причала.

2

Ракатицы – животные вкусные, но простые, незамысловатые, и ловля их особого труда не составляет. Можно нырять и ловить голыми руками, а если не умеешь плавать, – можно, как стемнеет, развести костер на берегу, у самой воды, и собирать деликатесных зверюшек, привлеченных светом на мелководье.

Но уловы будут небольшими, а вот для ловли в промышленных масштабах надо искать пути миграций ракатиц. Дело в том, что ракатицы у берегов и в пресных водах не размножаются – появляются откуда-то крохотными, с ноготок размером, нагуливаются в реках и на морском мелководье до приличных размеров, – а потом уходят в океанские глубины, и что там с ними происходит дальше, никому не известно.

Ну, может быть, каким-нибудь ученым и известно, но Славику о том на уроках биологии не рассказывали, в бугерской школе больше напирали на практику, в дебри теорий предпочитая не углубляться. Зато тому, как ловить ракатиц, – Славик в свои четырнадцать лет мог бы поучить высокомудрых деятелей наук.

Ловить надо километрах в трех юго-восточнее выхода из бухты – там как раз начинается подводное ущелье, тянущееся от побережья в океанские глубины. И по этому ущелью, по дну, ползет нескончаемый поток ракатиц, – и светлых, выросших в море, и пресноводных, скатившихся из двух впадающих в Бухту Героев речек, – те ракатицы, речные, отличаются меньшими размерами, темной раковиной и короткими мясистыми щупальцами.

И натянуты по дну ущелья, поперек, толстые металлические тросы-переметы. А к тросам крепятся ловушки, в них-то и набиваются деликатесные придонные жители. Всё просто, если знать и уметь. А без умения, без хорошего знания течений и подводного рельефа трос натянется над каким-нибудь понижением дна, ловушки будут болтаться в толще воды и никто в них не попадется.

В то утро сбор добычи «Ласточка» начала с ближнего к берегу перемета. Славик удивился такому решению деда. Он сам бы предпочел начать с дальних, пока в аккумуляторах держится хоть какой-то заряд. Если «сдохнут» вдаль от берега, возвращаться придется долгонько, – с парусом, включенным на прямой привод, бот едва справляется с отливным течением.

Что-то задумал старый, решил Славик, особенно если учесть недавнее распоряжение Лере насчет собранных рюкзаков... Задумал, и не хочет слишком далеко удаляться от поселка.

А потом началась работа, и стало не до раздумий.

Двигатель был отключен, бот двигала лебедка, натужно, со скрежетом, вытягивавшая из моря тяжеленный трос – «Ласточка» теперь ползла вдоль него на манер речного парома. И действовать надо было аккуратно, точно и быстро. Дед отстегивал карабин, крепящийся к тросу, подхватывал ловушку – здоровенный, в рост человека, конус, но при том легкий, сделанный из прозрачного пластика. Если внутри копошился улов, дедушка коротким точным движением отвинчивал пробку с хвостовика, пару раз встряхивал ловушку над открытым люком трюма, завинчивал пробку и тут же передавал ловушку внуку, стоявшему с другой стороны лебедки – тот пристегивал карабин на то же место, уже миновавшее барабан, и следил, чтобы конус, ползущий по палубе вслед за тросом, ни за что не цеплялся.

Вроде бы и простая работа, но чуть промедлишь, не успеешь застегнуть карабин вовремя – и весь строй ловушек, перекрывающих путь ракатицам, собьется, сдвинется, появится в нем

совсем не нужный разрыв. А если поспешишь... Нехорошие вещи случаются со спешащими и суеящимися. Зажмет пальцы, а то и всю кисть руки между тросом и барабаном лебедки – и всё, раздавит, расплющит в кровавую кашу... Профессиональная травма бугерских рыбаков.

Ракатиц попадалось немного – по две-три в ловушке, а то и вообще ни одной. Все правильно, самое начало сезона, а вот через месяц, в разгар путины, воды в конусе будет меньше, чем ракатиц, – тогда с набитой ловушкой одному человеку не управиться, да и ракатиц через хвостовик не вытряхнуть, переплетают щупальца, превращаются в плотный копошащийся ком. И проверять переметы приходится с двух ботов, причем с полным экипажем каждый – на первом ловушки отцепляют, разбирают, отстыковывают горловину, отправляют добычу в трюм. А со второго цепляют пустые ловушки. Потом, когда на одном суденышке заканчиваются ловушки, а на другом – свободное место в трюме, боты меняются местами... Как, интересно, осияют нынешнюю путину, когда в поселке остались лишь старые да малые?

Все шло как обычно: они осмотрели примерно третью часть перемета, ракатицы шлепались в трюм, изредка в ловушках обнаруживался прилов, некрупные донные рыбы, их дедушка откладывал отдельно, в корзину, – пойдут на ужин.

Все шло как всегда, и потом случилось небывалое. Дед неожиданно выключил лебедку, подозвал внука.

– Да как же это... – изумился Славик, увидев, *что* болтается на тросе.

Ловушка каким-то неведомым образом была раздавлена, разбита, уцелел только хвостовик, и тянулись от него острые языки пластика с неровно обломанными краями.

А пластик этот... ого-го какой пластик, из него, между прочим, лобовые стекла для разной военной техники делают, не в один слой, разумеется. Ловушки были вещь практически неуничтожимой, вечной. Когда перемет после нескольких лет нахождения в море проедала ржавчина и из него начинали вылезать металлические волокна, мешающие работе – ловушки снимали и крепили на новый трос. Затем на второй, третий, четвертый... Прозрачным же конусам все было нипочем – и удары о донные скалы, и зубы морских хищников, пытающихся добраться до съедобного содержимого. Снасти для ловли ракатиц сохранились в Бугере еще со старорежимных времен, и новые не завозили, незачем.

– Что ее так раскурочило? – спросил Славик, уверенный, что дед знает если не все на свете, то о море уж точно все. – Или... или кто?

Дед ответил лишь невнятным междометием, внимательно изучая острые обломки пластика. И Славик выдвинул свою версию:

– Какой-нибудь старый снаряд... Или боеголовка, еще с той войны... Могло там что-нибудь проржаветь – так, чтобы сейчас рвануло?

– Это не взрыв, – уверенно сказал старик. – Видишь, куда обломки изогнуты? Ее раздавили... Вот так примерно...

Он медленно сжал кулак, показывая, как была раздавлена ловушка. Славик прикинул размеры и силу существа, способного на подобный фокус. В таком кулачище, или что там вместо него, от человека лишь мокрое место останется... В прибрежных водах такие твари не водятся, а вот в океанских безднах Умзалы... Никто и никогда их толком не исследовал. А между прочим на западе, где-то далеко, над океаном, три дня назад шел бой. Отдаленный грохот, вспышки в воздухе, – около часа продолжалось, а пару раз рвануло так, что в нескольких прибрежных домах Бугера стекла повывлетали. Имперцев отогнали, если верить сводкам, а заодно вполне могли выгнать какое-нибудь морское чудовище из его подводного логова...

Славик фантазировал о глубоководном монстре, но в глубине души понимал, что наверняка все гораздо проще: ловушку сокрушил обвал подводных камней или что-то вроде того, столь же заурядное... Однако фантазировал. Успел даже придумать, что монстр атаками на ловушки не ограничится, станет нападать на боты, на людей, и придется его уничтожать, а одолеют чудовище... ну конечно же, они с дедом.

Дедушка тем временем отложил изувеченную ловушку в сторону, вновь включил лебедку. Трос натянулся, нехотя отрываясь ото дна.

Следующая ловушка оказалась раскурочена точь-в-точь как первая – уцелевший хвостовик и острые языки несокрушимого (казалось – несокрушимого) пластика. И еще одна, и еще... От очередной не уцелел даже хвостовик, на перемете болтался лишь карабин и обрывок крепежного поводца. А выдерживал тот поводец, между прочим, около двух тонн на разрыв.

Дедушка вновь остановил бот, внимательно изучил обрывок. Славик тоже любопытствовал. Поводец оказался новый, не истрепанный о подводные камни. И волокна его не перерезаны – разорваны.

Никакими подводными обвалами и прочими заурадными причинами такое уже не объяснить. Фантазии о подводном монстре неожиданно оборачивались реальностью. Славiku стало не по себе. Он посмотрел за борт, но что там разглядишь, на глубине два-три метра все тонуло в розоватой дымке. И казалось, что оттуда, из глубины, на него тоже кто-то смотрит огромным немигающим глазом.

Следующая ловушка для разнообразия оказалась целой и невредимой, улова в ней не было. А затем опять пошли осколки, обломки, оборванные поводцы.

– Тревога! – вскрикнул, словно от боли, Славик.

Хотя почему «словно»? Далекий, другим неслышимый крик Леры отозвался именно болью в голове, где-то за левым ухом.

Дед тут же выключил лебедку. И когда смолк ее рокот и скрежет троса по барабану, оба услышали слабый, приглушенный четырехкилометровым расстоянием звук сирен – там, на берегу, в Бугере.

– Имперцы? – спросил Славик деда вслух, и беззвучно – Леру.

Лера не знала, но на воздушный налет не похоже, с неба не доносится ни звука.

– Эвакуация, – уверенно произнес дед. – Возвращаемся.

Легко сказать... «Ласточка» находилась в тот момент как раз посередине перемета. И трос с барабана лебедки не снять, хоть вдвоем, хоть впятером, так натянут... Надо медленно ползти к хвостовому буйку, а это еще часа два...

Но у дедушки, как выяснилось, было припасено радикальное решение проблемы. Он нырнул в крохотную рубку бота, тут же вернулся с портативным газовым резаком в руках.

Пламя с глухим хлопком вырвалось из форсунки, затем превратилось в остроконечный голубоватый конус. Дедушка примерился к тросу.

«Злостное вредительство, десять лет перевоспитания», – произнес в голове Славика чужой голос, сухой и казенный.

– Отойди туда, за парус, – скомандовал дед.

Зачем, объяснять не стал. Иногда старые, изношенные тросы переметов лопались при выборке снасти, и такие случаи редко обходились без жертв. Если трос перлоновый, как на салангасовых снастях, – убивает рыбака или делает инвалидом, переломав кости и отбив внутренние органы. Но железный и того хуже – попросту перерезает человека. Самым натуральным образом. Пополам.

Славик секунду помедлил, с сомнением поглядывая на резак. Не становится ли и он заодно вредителем? За групповое вредительство не десятку, а целый четвертак выписывают. Чтобы уж с полной гарантией перевоспитались. А потом сообразил: эвакуация же! Все правильно дед придумал, нечего имперцам нашими ракетицами лакомиться...

Он укрылся за ограждением паруса, спросил оттуда:

– А как же ты? Зашибет ведь...

– Я аккуратно, не до конца, – ответил дед, не оборачиваясь. – Потом лебедку включу, издаleка, багром, – он и лопнет.

Славик обогнул парус, выглянул с другой стороны и мог теперь видеть, как работает дед.

Резак был маломощный и трос поддавался ему медленно, неохотно. Но все же поддавался, все больше перерезанных стальных нитей лохматились вокруг разреза. Пахло горелым металлом. Славику казалось, что он слышит низкое гудение троса, перекрывающие шипение горелки.

– Хватит! – крикнул Славик. – Точно лопнет теперь!

Дед опустил резак, шагнул назад, оценивающе поглядел на глубину разреза.

– Еще чуть-чуть на...

В это мгновение трос лопнул. Звук был короткий и резкий, как выстрел. Один конец соскользнул с барабана, хлестнул огромной плетью по палубе, сбив за борт пару разломанных ловушек. А второй... Второй, более длинный, ударил как раз туда, где стоял дедушка.

Славик хотел закричать, но не успел, все произошло слишком быстро.

– А-а-а-а... – тянул он негромко, глядя на лежавшего деда.

Крови почти нет, все как рассказывали... Первые две-три секунды она не течет, зато потом как хлынет... и тело, на вид целое, разваливается на две половинки...

– Включай двигатель, – скомандовал дед, поднимаясь на ноги.

На разрезанного пополам он не походил никоим образом. На рукаве появилась здоровенная прореха, и видна сквозь нее большая кровавая ссадина. И всё. Никаких других повреждений.

– Ну что застыл? Включай, в море же уносит...

Славик двинулся выполнять команду, медленно осознавая тот факт, что трос не ударил, не сбил с ног деда, что тот сам отпрыгнул, лишь чуть-чуть не разминувшись с разлохмаченным концом стальной змеи... Осознав – восхитился. Лет тридцать назад дедушку любой спецназ с руками и ногами бы оторвал, с такой-то реакцией и сноровкой... А силой и сейчас молодым не уступит. Нет, и в самом деле непонятно, как он не угодил в какие-нибудь элитные войска...

Подумав так, Славик вдруг с некоторым смущением сообразил, что все спецназы и элитные войска во времена юности деда были исключительно вражеские. Имперские.

3

Кое-как пришвартовав «Ласточку», они поспешили домой, бросив улов в трюме, а искоженные ловушки – на палубе. Ракетицы, допустим, живучие, им хоть за день, хоть за два ничего не сделается, а вот про неведомую тварь, раскурочившую снасти, стоило по разумению Славика немедленно доложить в правление рыбхоза. Но дела разворачивались такие, что ясно было – для докладов время не самое удачное.

В Бухту имени Героев Революции пожаловало другое чудовище, рукотворное. Огромное, с крутыми боками, покрытыми потеками ржавчины, оно покачивалось на волнах у первого причала, предназначенного принимать суда дальнего плавания с приличной осадкой. Свою раскрытую пасть чудовище нацелило на берег, и туда, по спущенному пандусу, тянулись люди, несли чемоданы и узлы, катили тележки с какими-то ящиками.

Субмарина. Подводный рудовоз. В Бугер они обычно не заходили, но Славик видел их в Семерке, в ЛП-7, побывал там один раз с дедом, доставляя в столовую перевоспитуемых брикеты замороженного салангаса, некондиционного, не годящегося для консервов.

Вот она какая, эвакуация... И куда их, интересно, повезут?

Дверь оказалась заперта, все по инструкции деда. Лерка сидела за столом в полутемной комнате, шторы задернуты, рядом три туго набитых рюкзака, сама одета по-походному, – опять-таки все по инструкции.

Увидев Славика с дедом, аж подпрыгнула.

– Ну наконец! Уже дважды приходили, в дверь колотились! По трансляции говорили – невыполнение приказа об эвакуации приравнивается к дезертирству и пособничеству! Пошли? – И она подхватила с пола свой рюкзак.

– Не спеши, мне надо забрать кое-что, – остудил дедушка ее пыл. – Я быстро.

Он поднял люк, прикрывавший спуск в подпол, спустился по маленькой приставной лесенке.

Брат и сестра остались вдвоем. Ни о рудовозе, принимающем с берега живой груз, и ловушках, раскуроченных загадочным образом, Славик не стал рассказывать. Ни к чему. Она и без того все видела – его глазами. Он так не мог, пси-способности у Леры проявлялись гораздо сильнее, чем у брата. Отчего так получилось, неизвестно, все-таки близнецы, хоть и не совсем на одно лицо...

Снизу, из подпола, донесся протяжный скрежешущий звук, словно дед отдирает доску, выворачивая длинные гвозди из неподатливой древесины. Чуть погодя еще один схожий звук. «Кое-что» хранилось в тайнике, понял Славик.

Дедушка поднялся в комнату. В руке он держал нечто вроде небольшого чемоданчика, или плоского футляра с ручкой, Славик никогда не видел этого предмета в их доме. На поясе у старика висела кобура, здоровенная, пожалуй даже не с пистолетом, с чем-то помощнее... Пистолет-пулемет? Похоже на то... Еще одна обновка – портативная рация на груди. Откуда у него все это?

– Пошли, – коротко сказал дед, закидывая рюкзак за плечи. – Выйдем через задний ход.

– Зачем? – удивился Славик. – Вдвое дольше до причала добираться...

Дом их стоял на краю поселка, вплотную к непроходимым зарослям курги. По тропе можно добраться до берега, но лишь изрядно попетляв по склону холма.

– Мы не пойдем на причал. Мы пойдем в кургу. Там я вам все объясню.

И тут Славика осенило. Оружие... Рация... курга... Дед получил задание, он оставлен здесь партизанить! Как в ту войну, как герои, именем которых названа их бухта! И они вместе с ним! Здорово...

– Остаемся? Партизанами? – возбужденно спросил он.

Лера промолчала. Насколько Славик мог чувствовать ее эмоции, ни малейшего желания становиться героиней-партизанкой сестра не испытывала.

– Партизанами? – переспросил дед. – Ну да, что-то вроде того...

И он распахнул дверь, ведущую в кургу.

Глава пятая

Приватный разговор под тайным наблюдением

1

Каюта была освещена светильниками, имитирующими свечи, и имитирующими довольно удачно.

Несвицкий поднял фужер, посмотрел сквозь него на псевдосвечу, – прилипшие к хрустальным стенкам пузырьки отнюдь не показались покрытыми радужной пленкой... Шампанское натуральное, не синтетик.

– Странно, что из всех планет Эридана, где прижился земной виноград, настоящее вино получается лишь на Троице... – задумчиво сказал полковник.

Сказал лишь для того, чтобы хоть что-то сказать. Он понятия не имел, зачем его пригласил в свою каюту барон фон Корф спустя час после завершения военного совета, но подозревал: не просто для того, чтобы всего лишь угостить шампанским.

– Вы уверены, Михаил Александрович? – поднял бровь хозяин каюты.

– В чем уверен? В том, что производимый на Александре или Славоросе продукт вином является лишь по названию? Да, уверен.

– Я, собственно, не о том... Наше знание о том, что *настоящее*, а что нет, – уверены ли вы в нем? Вино – лишь частность...

– Знания человеческие конечны и ограничены, – крайне обтекаемо ответил полковник. – Лишь Бог может претендовать на владение полной и всеобъемлющей истины.

Несвицкий сделал крохотный глоток, шампанское перекатывалось во рту, и он несколько секунд ждал, что левый глазной зуб пронзит сейчас короткая и острая вспышка боли.

Боль не появилась... Микродатчик, имплантированный в ткань зуба, не обнаружил никаких посторонних примесей к вину. Несвицкий наконец проглотил напиток, ставший теплым и безвкусным.

Стоило ожидать именно такого результата теста... Он уже догадался, что фон Корф принадлежит к родственной службе, только к флотской. Следственно, капитан второго ранга должен понимать, что полковника «черной гвардии» одурманить химическими способами не так-то просто... Да и физическое психотронное воздействие если и возможно, то уж незаметным для объекта его никак не сделаешь.

Меж тем хозяин каюты развил свою мысль:

– Мы ведь живем в достаточно условном мире, не находите, господин полковник? В мире, который наши предки четыре с половиной века назад не восстановили, не склеили из осколков чего-либо, реально существовавшего и недавно утраченного... Нет, Империю воссоздавали даже не по смутным о ней воспоминаниям, никто на седьмом «Ковчеге» не мог ее помнить. Эриданская Империя – воплощение идеализированной мечты об имперской идее. Причем мечты людей, никогда не живших в настоящей Империи, в той, прежней, Российской... Не от этого ли все наши беды? Обычно мечты утопистов и прожектеров остаются мечтами. Но в нашем случае имело место исключение из правил. Исключение, не имевшее прецедентов в земной истории. В руки мечтателей попало мощнейшее средство для воплощения их мечты: «Ковчег-7». Некое протояйцо, некий зародыш новой цивилизации... И мне порой кажется, что упомянутое яйцо подложили не под ту наседку.

«А ведь это проверка», – понял Несвицкий. Каюта напичкана записывающей аппаратурой, сомнений быть не может... Вопрос в другом: кто проверяет и с какой целью? Лично кав-

торанг? Едва ли... Или всё затеяно с ведома и благословения руководства флотской контрразведки? И осведомлено ли высшее флотское начальство об этой акции?

А самый главный вопрос звучит так: насколько всё происходящее связано с чужим интересом к судьбе генетических материалов, вывезенных с Нового Петербурга?

– Мне кажется, Николай Оттович, три с половиной века развития Эридана доказали жизнеспособность выбранной модели, – сказал полковник все так же осторожно. Но шампанское отхлебнул уже гораздо смелее, с удовольствием.

– Ой ли? Не свидетельствует ли сегодняшнее совещание об обратном? Мы ведь сегодня решали страшную вещь, если вдуматься: как минимизировать потери, – сколько людей можно позволить убить, чтобы как можно быстрее добраться до ресурсов, необходимых для истребления новых миллионов!

«Да он что, под красные знамена меня вербует?!» – несколько растерянно подумал Несвицкий. Не может все быть настолько примитивным...

– К нашим противникам подобная логика применима в еще большей степени, – сказал он. – Те, кто контрабандой протащили на «Ковчег» коммунистические идеи, тоже никогда не жили при своем вождьском строе. Даже в самом мягком его варианте. Общество, что они построили там, – Несвицкий показал пальцем на переборку, хотя не был точно уверен, что именно в той стороне от джамп-базы расположена Елизавета, – тоже воплощение утопической мечты. Только очень кровавой мечты. Безжалостной. Уж они-то, будьте уверены, считать потери и минимизировать жертвы не озаботятся.

Он выдержал паузу. Затем ответно забросил удочку в мутную воду мутного разговора. Профессионал, если он хороший профессионал, даже на собственном допросе должен постараться получить максимум информации от допрашивающих его... А здесь и сейчас происходит даже не допрос – непонятная пока провокация.

– На Новом Петербурге мы захватили архив генохранилища, – сообщил полковник. – И были поражены... За сорок лет своего хозяйничанья коммунисты израсходовали половину от тех генетических запасов, что мы истратили за три века. Не освоив, не заселив при том ни одной новой планеты. Каково?

Ну-ка, как отреагирует кавторанг? Неопознанные конкуренты смогли раздобыть ту же информацию... А вот родственным службам она не сообщалась. Лишь фигурировала в секретном докладе Его Величеству.

Фон Корф искренне удивился. Либо же весьма талантливо изобразил удивление.

– Помилуй Господи... Куда же они столько?

– Средняя продолжительность жизни в так называемом Союзе – двадцать три года, – пожал плечами полковник. – Методы хозяйствования возрождены примитивнейшие: все средства и ресурсы вкладывались в военное производство, а в остальных отраслях – механизация на уровне Древнего Египта. Никаких кибершахтеров – самые ядовитые руды люди добывали вручную. И громадные плантации обрабатывали вручную. И каналы от моря до моря строили – лопатами и тачками. Эпидемии, голод... Чистки неблагонадежного элемента – а это многие миллионы, даже десятки миллионов жертв.

– Невероятно...

– Вы не знали? Неужели флотская разведка не держала агентурную сеть на мятежных планетах?

Несвицкий знал точно – была и есть у космофлота такая сеть. И у армейской разведки тоже... Но хотел услышать ответ фон Корфа. Полковник все еще не понимал смысл затеянной с ним игры.

– Я служил одно время по линии разведки, но в другом отделе, – пояснил кавторанг. – И всегда считал, что донесения наших агентов несколько... Э-э-э...

– Корректируются в пропагандистских целях? – закончил фразу Несвицкий.

– Именно так...

– Я занимался как раз Эриданским Союзом. И заверяю вас: да, доходившая до общест-венности информация фильтровалась и корректировалась. Но корректировалась в другую сторону! Иначе трудно было бы остудить иные горячие головы, требующие немедленного втор-жения... Вторжения, на которое не было тогда ни сил, ни средств.

Он замолчал, выжидая: вернет или нет фон Корф разговор к проблеме генетических материалов?

Вернул...

– Но как они умудрились... э-э-э... освоить такое количество половых клеток? – спросил кавторанг. – Ведь в большинстве своем инкубаторы остались у нас, а создание новых – слож-нейший технологический процесс, и при их примитивной экономике едва ли возможен...

– В том-то и дело, что три четверти истраченных запасов они не освоили. Угробили без-дарным образом. Банальное отторжение оплодотворенных яйцеклеток – и миллиарды новых жителей Империи никогда не появятся на свет. Как и миллиарды жителей Союза, впрочем.

– То есть...

– Да. Примитивнейшие операции по имплантации эмбриона – без анализов, без проверки совместимости, самым кустарным методом... Массово и втайне, без согласия приемных мате-рей, – женщины шли на обязательный ежегодный осмотр к гинекологу и в одной четверти слу-чаев возвращались беременными.

– И никого не встревожил такой всплеск рождаемости?!

– Способных встревожиться добивали к тому времени в лагерях перевоспитания. Осталь-ным объяснили: без гнета имперских кровопийц, под мудрым руководством партии... Ну и так далее.

– Но ведь тогда дети у них рождались... – начал было фон Корф и вдруг осекся.

Несвицкий удержался от каких-либо комментариев. Вот, значит, в чем дело... «Рожда-лись непохожими на родителей», – наверняка именно это собирался произнести кавторанг, во внешности которого явственно просматривались кавказские черты, как-то не гармонирующие с остзейской фамилией. Дворянские роды Империи тоже пользовались донорскими эмбрио-нами, никуда от этого не деться. Естественно, в подобных случаях очень осторожно и тща-тельно подбирался генотип будущего ребенка. Но иногда случались сбои...

Несвицкий, кстати, не знал и не желал знать, естественным ли путем родила его мать. Хотя, помнится, лет так в семнадцать однажды целый вечер просидел в своей комнате перед зеркалом, обложившись снимками отца в молодости. То казалось: похож; то – вроде не очень... Потом понял: какая разница? Что это меняет? Ничего, ни отношение родителей к нему, ни его к родителям... Так до сих пор и не знал. Фон Корф, по всему судя, знал точно.

Помолчали...

Затем барон вновь наполнил фужеры и произнес словно невзначай:

– Вы отчего-то не спросили, Михаил Александрович, чем же я занимался, прослужив пятнадцать лет в разведке, – если так слабо ориентируюсь во внутренних делах Союза.

– Все равно бы не ответили, – пожал плечами Несвицкий.

– Почему же? Отвечу.

Вот как... Похоже, разговор подошел к тому главному, ради чего он затеян.

– Ну и чем же вы занимались?

– Хултианами.

Несвицкий очень надеялся, что на лице его никак не отразились эмоции, вызванные единственным словом фон Корфа.

2

Сказать, что хултиане закрытая раса, а принадлежащие им планеты – закрытые планеты, – значит, не сказать ничего.

Закрытость закрытости рознь... Можно закрыть дверь, ведущую в комнату, где посторонние нежелательны, – притворить и повесить табличку: «Закрыто! Не беспокоить!». А можно воздвигнуть несокрушимую броневую преграду, и усеять ее множеством механических и электронных замков, заминировать, перекрыть все дальние и ближние проходы смертоносным излучением. Ну и табличку... Ту же самую.

Видеть у себя посторонних хултиане не желали категорически.

Нет, полный запрет на посещения они не ввели: официальные делегации с Эридана – с имперской его части, разумеется – регулярно посещали Мнаурх, столичную планету хултиан. Там же постоянно функционировало посольство Империи, работали торгово-промышленное и военное представительства. Этим дело и ограничивалось. Никакого межзвездного туризма, никаких поездок частных граждан по личным или коммерческим делам, – все контакты исключительно на государственном уровне.

Ни военные, ни грузовые корабли эриданцев никогда не прибывали в хултианские космопорты – и делегации, и потоки грузов попадали к месту назначения через подпространственные порталы, смонтированные и обслуживаемые хултианами. Никто из потомков землян не мог похвастать дружескими, личными отношениями с кем-либо из союзников. Не говоря уж о сексуальных – хотя с точки зрения физиологии препятствия возникнуть не могли. Считалось, что не могли... Чисто теоретически считалось.

Люди на Мнаурхе – дипломаты, торговые и военные представители, – обладали весьма малой свободой передвижения. Имели полное право, разумеется, составить и вручить официальный запрос: желаем посетить такое-то место, и встретиться с такими-то хултианами. Но весьма часто получали стандартный ответ: «Вэйэ ду», что в переводе означало: «Это не интересно». Дошло до того, что расхожей фразой стали пользоваться и эриданцы-имперцы, правда, в несколько ином значении...

Естественно, тем большее любопытство вызывали внутренние дела хултиан у разведслужб Империи: не враг, конечно, союзник, – но все-таки неплохо бы знать, что у союзника происходит, и чего можно от него ожидать и в ближайшее время, и в длительной перспективе...

Естественно, при таких вводных развертывание своей агентурно-резидентурной сети на хултианских планетах казалось трудновыполнимым, а то и попросту невозможным.

Хуже того, в 327 году Исхода последовал рескрипт Его Императорского Величества: любая разведывательная деятельность в отношении союзников-хултиан воспрещалась.

Высочайший запрет есть высочайший запрет, но...

Но профессионалы тайных войн иногда лучше, чем власть предрежащие, понимают, что можно, а что нельзя делать для блага Отечества. По крайней мере, Отдельный корпус жандармов разработку хултиан продолжил – негласно и крайне осторожно.

Свою агентуру не внедрить? Ну так проводились попытки вербовки хултиан, прибывавших на имперские планеты, – причем каждая обставлялась сложнейшей многоходовой комбинацией, позволявшей при желании выяснить, что *подходы* ищет кто угодно, но только не черные гвардейцы. В основном стрелки переводились на агентуру Эриданского Союза.

Результаты оказались плачевными – ни один хултианин завербован так и не был. Но аналитики трудились в поте лица, пытаясь по крохам, по обрывкам информации вычислить: что же происходит там, на хултианских планетах? Плоды их трудов тоже не радовали, слишком уж скудны оказались те крохи...

Но в любом случае вся работа по хультианскому направлению была одним из наиболее оберегаемых секретов Отдельного корпуса.

Имелись подозрения, что и иные родственные службы предпринимают аналогичные попытки, тоже в глубокой тайне, разумеется. И вот теперь барон фон Корф – после проверки на сочувствие коммунистическим идеям – выкладывает на стол эту карту... Джокера, который может обернуться хоть тузом, хоть задрипанной шестеркой.

3

Несвицкий изобразил простодушное лицо и не сказал ничего. Хультиане, дескать? Ну и ладно, не мой профиль, а давний рескрипт двадцать седьмого года все поголовно офицеры Корпуса помнить не обязаны.

Барона показное равнодушие собеседника не обмануло.

Несколько секунд он внимательно вглядывался в лицо Несвицкого, затем произнес с легкой улыбкой:

– Сейчас и здесь говорят не просто капитан второго ранга фон Корф с полковником Несвицким, – но Отдельный корпус с Управлением разведки и контрразведки космофлота.

– Увы, я не имею полномочий для подобного разговора, – немедленно парировал жан-дарм.

– Однако донести его содержание до руководства не просто уполномочены, но и обязаны? – вновь улыбнулся фон Корф.

– Допустим, – сухо откликнулся Несвицкий.

– Допустим... – согласился кавторанг. – Тогда можно допустить и другое: ваше начальство весьма заинтересовано услышать отчет – пусть даже краткий и весьма неполный – о мерах, предпринятых Управлением РК космофлота по хультианскому направлению?

– Допустим и это.

– Ну тогда слушайте...

Кое-что из сообщенного бароном вслед за тем Несвицкий знал и ранее. Например, тот факт, что язык, на котором общаются меж собой хультиане, прибывающие на имперские планеты Эридана, в корне отличается от того, что служит средством общения для аборигенов Мнаурха. Собственно говоря, хультиане никогда и не предлагали учить их языки: вэйэ ду, дескать, – все их представители более чем сносно владели русским. Однако лингвисты Корпуса (после долгой и кропотливой работы с многочасовыми аудиовидеозаписями разговоров гостей между собой) более или менее изучили их язык, и подготовили нескольких переводчиков... Увы, ни слова из разговоров жителей Мнаурха те переводчики, включенные в состав делегаций, не могли понять. И как теперь выяснилось, флотские специалисты независимо от коллег проделали ту же самую работу.

– Не исключено, что язык, на котором говорят между собой хультианские офицеры и дипломаты, – это их вариант нашего французского, – высказал полковник предположение, в которое сам не верил. – Чужой, не родной язык, используемый для общения представителями высшего класса. Или же некий эквивалент наших мертвых, но все же употребляемых языков: латыни, которой пользуются юристы и медики, либо английского, без которого программные инженеры едва ли поймут друг друга.

– Почему тогда на нем никто не говорит на Мнаурхе? – парировал фон Корф. – Там ведь живут и представители высших сословий, и врачи с инженерами.

Несвицкий пожал плечами. Он хотел услышать информацию от барона, но отнюдь не желал делиться наработками Отдельного корпуса по хультианской проблеме.

Не дождавшись ответа на свой вопрос, капитан второго ранга продолжил:

– И французский, и латынь, и английский некогда были живыми языками. Наши же специалисты пришли почти к единодушному мнению: хултианский язык изначально мертвый. Вернее, искусственный.

– Кажется, нечто схожее было и на Земле, как же он назывался... – Несвицкий порылся в памяти, но так и не вспомнил название.

– Эсперанто, – подсказал фон Корф.

– Вот-вот... Но отчего вы решили, Николай Оттович, что хултиане общаются на аналоге эсперанто?

– Ну... Я не филолог... Но специалисты утверждают: любой живой язык, или бывший некогда таковым, несет в себе массу исключений из правил. Неправильные глаголы, например, спрягаются иначе, чем остальные. У так называемого хултианского этих неправильностей не наблюдается.

Полковник согласно кивнул, вспомнив, сколько неприятностей доставляла в свое время в кадетском корпусе зубрежка неправильных французских глаголов... Но затем усомнился:

– Хултиане, они такие... – Несвицкий на секунду замялся, подбирая наиболее точное определение, – ...педантичные, что вполне могли провести кардинальную реформу языка, ликвидировав все исключения.

– Могли... – не стал спорить барон. – Я ведь говорил: мнение *почти* единодушное. Но кое-кто высказал те же соображения, что и вы, Михаил Александрович. Однако упомянутые соображения ни в коей мере не объясняют, отчего никто на Мнаурхе этот язык не употребляет. Логичнее было бы предположить, что представители высшего общества будут общаться на нем не только в гостях, но и у себя дома. Не так ли?

– Резонно, – согласился полковник. – Изучить аналогичным способом язык Мнаурха вы пробовали?

– Михаил Александрович... Мне кажется, вы знакомы с проблемой в достаточной степени. И должны представлять, с какими сложностями связано упомянутое изучение.

Несвицкий представлял. С эриданскими представителями принимавшие их хултиане на Мнаурхе общались на русском, а между собой, но в их присутствии, – все на том же языке, не то на мертвом, не то на искусственном. А разместить стационарную записывающую технику где-то вне стен посольства и двух представительств не представлялось возможным... Объем случайных фраз, записанных мобильной, на себе носимой аппаратурой, позволял сделать вывод: язык не тот. Но не позволял его изучить.

– Не предполагаете же вы, – сказал жандарм, – что искусственный язык создан ради нас? Единственно для того, чтобы нас дезинформировать?

Рапорт, в котором излагался именно такой вывод, отправил по инстанции коллега Несвицкого, занимавшийся хултианами, – штабс-ротмистр Панаев-четвертый. Назад рапорт вернулся, украшенный краткой, но емкой резолюцией: «Бред!», и размашистой подписью генерал-майора Григоровича...

Капитан второго ранга промолчал, сочтя вопрос риторическим. Или просто не пожелал делиться умозрительными предположениями. Несвицкий продолжил:

– К тому же, согласитесь, Николай Оттович, подозревать хултиан в каких-либо злоумышлениях трудно, – после той помощи, что они оказали в критический момент, когда вопрос стоял о самом существовании Империи.

– Оказали, – не стал спорить фон Корф. – Но, во-первых, не безвозмездно. Во-вторых, помощь предоставлена в достаточно ограниченном объеме: Империя устояла, но подавить мятеж одним сокрушительным ударом сейчас не способна... Нам грозит затяжная война, и нет уверенности, что в ходе ее наши противники – когда окажутся на грани окончательного поражения – тоже не получат помощь, и тоже весьма вовремя и весьма дозированную... Допустим, от человекоподобной расы, встреченной разведывательными кораблями Союза где-то

среди межзвездных просторов. Не стану утверждать, что гипотетические союзники мятежников будут разговаривать между собой на каком-либо искусственно созданном для того языке. Но исключить такую возможность не могу.

Вот оно и прозвучало, – то главное, ради чего затеян разговор.

Жандарм встал, сделал несколько шагов по каюте. Вновь опустился на стул. Произнес медленно, негромко:

– Если здесь и сейчас в самом деле беседуют Управление и Корпус, то Управление должно иметь очень веские резоны для последних ваших слов, Николай Оттович.

– Помилуйте, Михаил Александрович! Разве для интуитивных подозрений нужны резоны? Достаточно чувства смутной тревоги... И бездоказательных ощущений: что-то здесь не чисто. Я, напротив, очень надеюсь, что *веские резоны* были у вас. Когда вы сообщили мнаэрру Гнейи – а значит, и всем хултианам – новое местонахождение генохранилища. Должен признать, Управление РК недооценило вас, коллеги. Мы были уверены, что эта информация принадлежит исключительно нам. Иначе наш с вами разговор состоялся бы *до* военного совета.

Несвицкому показалось, что в каюте фон Корфа взорвалась граната. Невидимая, бесшумная, – но убившая наповал.

Про Елизавету-Умзалу, как про возможное местонахождение генохранилища, полковник сказал на совете с единственной целью: спровоцировать неизвестного противника на некие действия на планете... Действия, которые можно отследить. Но подобный результат провокационного заявления предвидеть было невозможно.

Несвицкий подозревал, что за лицом его наблюдают с разных ракурсов несколько замаскированных камер. И знал, что неподконтрольная разуму и воле микромимика наверняка отразила его крайнее изумление. Оставалось одно: изобразить дело так, будто вызвана та реакция иными причинами.

– Удивительно... – недоуменно произнес жандарм. – Мы тоже пребывали в полной уверенности, что агенты Управления не предпринимали никаких действий в отношении Ново-Петербургского Портала.

– Мы и не предпринимали. Не стали терять время. У нас был очень хороший информатор, и возможность проверить его информацию из других источников. Мы заранее знали, что эвакуация через Портал – отвлекающая операция. Что контейнеры, вывезенные в ходе той операции, – пустышки. Зато флот все две недели битвы за Новый Петербург смотрел не только вперед, на врага, но и назад, и по сторонам... Назад даже внимательнее: где же вынырнет транспортник, ушедший в подпространство на орбите Петербурга? Мы не верили, что мятежники рискнут вывезти такое богатство в дальний космос, на неисследованные планеты. И не ошиблись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.